

Б. ШЕЛКОВНИКОВ

КЕРАМИКА И СТЕКЛО ИЗ РАСКОПОК ГОРОДА ДВИНА

В в е д е н и е

В течение восьми археологических кампаний в Двине найдено большое количество керамики не имеющей себе равной среди керамики, обнаруженной при раскопках средневековых городов и поселений Закавказья как по разнообразию типов, так и по высоким художественным и техническим качествам.

Наряду с изделиями местной керамической промышленности в Двине найдены предметы, завезенные из Ирана, Месопотамии и Китая.

Изучение керамики и стекла Двина интересно по трем причинам. Во-первых, эти вещественные памятники дают нам возможность установить размер и характер местной стеклянной и керамической промышленности; во-вторых, определив изделия, завезенные в Двин из других стран, мы тем самым устанавливаем торговые связи города. Наконец, в-третьих, изучение и определение найденных в Двине стекла и керамики дополняет наши сведения по истории этих производств Закавказья и Переднего Востока. Новые, до раскопок города Двина неизвестные, виды изделий обогащают наши знания в этой области, условия же находки позволяют в целом ряде случаев уточнить датировку и ответить на вопрос о месте производства. Выполнение трех перечисленных задач облегчается грандиозным размахом археологических работ, развернувшихся в последние годы перед Отечественной войной и возобновившихся после победы во всех трех закавказских республиках. Последнее обстоятельство дает нам возможность изучать материалы, найденные при раскопках Двина, не изолированно от керамики

и стекла, обнаруженных при раскопках средневековых городов Грузии и Азербайджана (Дманиси, Старая Гянджа, Орен-кала и другие). Большое значение при изучении и классификации как керамики, так и стекла Двина, имеет хранящаяся в Историческом музее Армянской Академии наук, богатейшая анийская коллекция. Если бы мы не располагали этими материалами, то далеко не всегда датировка изделий и определение места их производства могли бы быть решены в такой степени, как оказалось возможным.

Значение керамики Двина не ограничивается вышесказанным. В некоторых случаях она дает нам возможность проверить и уточнить книжную историю города. Так, например: свидетельство историков о катастрофическом землетрясении 893 года находит подтверждение и приобретает особое значение при изучении керамики Двина. Обычно страшные разрушения, причиняемые городам землетрясениями, не оказывают значительного влияния на историю городов. Население, как правило, не покидает развалин и на старом месте строит новый город. Так было и при большом землетрясении 1138 года, разрушившим Гянджу, во время которого произошел обвал горы Кяпаз и образовались, в перегороженном каменным потоком ущельи, горные озера. Город быстро был восстановлен и продолжал жить в течение 12—13 веков полнокровной городской жизнью, и при изучении керамики Старой Гянджи ничто не указывает на события 1138 года.

Иначе обстоит дело с Двином. Городище разделено ровом на две части: северо-восточную с холмом и цитаделью и юго-западную, менее возвышенную, с развалинами собора и дворца католикоса. Керамика, обнаруженная в этих районах, резко отличается друг от друга. Типы изделий, найденные в районе собора и дворца, совсем не встречаются в цитадели и, наоборот, керамика цитадели, за единичными исключениями, не обнаружена в юго-западной части города. Объяснить это явление можно лишь предположив, что керамика цитадели относится к другому времени. Последнее подтверждается при изучении памятников. В районе собора и дворца католикоса обнаружены типы изделий аналогичные керамике, найденной при раскопках дворцов Самарры на Тигре, прочно датированной

9 веком. В цитадели же, в основном, находят керамику близкую к анийской, датируемой 11—12 веками. Так как при раскопках, в большинстве, находят изделия, относящиеся к последним векам жизни города или поселения, то разделение керамики по районам городища говорит о разновременном существовании обеих частей города. Действительно, если бы в районе собора и дворца католикоса городская жизнь продолжалась после землетрясения 893 года, то мы обязательно находили бы изделия, относящиеся к более позднему времени. Так как таких изделий не обнаружено, то, следовательно, приходится считать, что после землетрясения эта часть города была заброшена и собор и дворец католикоса не восстанавливались. Несколько сложнее обстоит дело с цитаделью: здесь основная масса изделий, как уже говорилось, относится к 11—12 векам, но, как исключение, находят керамику и более раннего времени. Так, например, в 1949 году в цитадели в яме, на большой глубине (6 метров), найдена гладкая белая фаянсовая чаша (№ 74), по черепку, глазури и форме аналогичная фаянсам с росписью кобальтом самарского типа, датируемого 9 веком. Эта находка указывает на то, что в этом районе существовало поселение до землетрясения 893 года, что вполне согласуется с историческими сведениями. Наличие в пределах городища Двина двух участков, закончивших свою историческую жизнь в разное время, в конце 9 и в начале 13 веков, облегчает и уточняет датировку изделий, найденных в Двине впервые.

При классификации керамики и стекла Двина я руководствовался свойствами черепка и глазури и техникой украшения у керамики, материалом и способом выработки у стекла. Принятое в литературе деление материала на типы и виды для керамики, в большинстве, основано на особенностях техники украшения—для стекла—на способах выработки. Но для основной цели настоящей работы—определение местных и импортных изделий—ни техника украшения, ни способ выработки не имеют большого значения, так как одни и те же способы украшения и выработки были широко распространены не только по всем странам Переднего Востока, но и значительно шире. Не так обстоит дело со свойствами черепка и глазури,

так как они зависят не только от процесса изготовления и рецептуры, но и от сырых материалов, перевозка которых на сколько-нибудь значительные расстояния была затруднительной из-за дороговизны транспортировки. Поэтому во всех керамических и стеклянных центрах, если и не целиком, то все же, в основном, пользовались местным сырьем. Этим объясняется одно обстоятельство, имеющее важное значение для определения места производства керамики—изделия, производившиеся в разных центрах производства не имеют совершенно одинаковых черепков, хотя обратное явление, то есть различные черепки у керамики одного и того же центра производства вполне возможно. Для керамики особенно большое значение имеет строение, твердость и цвет черепка.

Сложнее обстоит дело со стеклом и глазурью. Во-первых, твердость черепка различных керамических изделий значительно больше различия, чем твердость относящихся к разным видам стеклянных изделий. Во-вторых, по строению черепка керамические изделия очень отличаются друг от друга, разница же в строении стекла и глазури столь незначительна, что на глаз не усваивается. Поэтому при определении стеклянных изделий анализ строения отпадает, твердость же имеет, по сравнению с керамикой, лишь незначительное значение—остается цвет, прозрачность и дефекты производства (пузырьки). Последнее затрудняет определение стеклянных изделий и является одной из причин значительно меньшей изученности древнего стекла по сравнению с керамикой.

Из свойств черепка большое значение имеет твердость, но определение ее производилось лишь при помощи стального ножа, хотя и дающего возможность отделить фаянс от фарфора, но совершенно недостаточного при определении твердости фаянсов и простых глиняных изделий. Неудовлетворительность этого способа навела меня на мысль применить при определении твердости керамики шкалу твердости Мосса. Шкала была впервые мною использована в 1938 году при определении керамики из анийских раскопок. Метод дал положительные результаты и я пользуюсь им и в этой работе.

Определение твердости производится следующим способом. Пробная царапина проводится на обычно не покрытой

глазурью. ножке сосуда. В тех же случаях, когда ножка не сохранилась или была покрыта глазурью испытывается твердость излома. При этом необходимо упомянуть, что твердость ножки и излома не всегда одинакова. Часто черепок в изломе, особенно у мягких фаянсов, бывает несколько мягче ножки, но редко больше, чем на один номер шкалы. Так как разница в твердости между различными типами керамики огромна и колеблется от твердости корунда у селадонов, до твердости известкового шпата у простой поливной посуды, то колебание твердости, в зависимости от места производства, на одном и том же сосуде, не является решающей помехой. Для определения твердости глазури и стекла шкала Мосса оказалась недостаточной чувствительности.

Несмотря на огромное значение для классификации как керамики, так и стекла, определения технических свойств изделий, нельзя ограничиться ими и обойти анализ стиля декоративного убранства и форму изделий. Большое значение формы как для датировки, так и определения места изготовления, очевидно. Нужно лишь добавить, что при определении особенно большое значение имеет устройство обратной стороны, в особенности ножки, так как здесь сказываются технические навыки, часто индивидуальные для мастеров, и, кроме того, остаются следы инструментов и подставок. На лицевой стороне эти следы обычно устраняются, да и индивидуальные приемы мастеров здесь не так выявлены, так как мастер при создании видимой части предметов часто руководствуется готовыми образцами.

Определение стиля имеет, хотя и не одинаковое значение при определении и места и времени производства керамических изделий. В вопросах датировки, когда последняя не может быть установлена по месту находки предмета, орнаментация имеет очень большое значение, чего нельзя сказать при определении места производства. Каждая эпоха имела свой декоративный стиль, географически значительно распространенный и обычно не ограниченный границами какого-нибудь государства или пределами расселения одного народа. Народы, живущие по соседству и общающиеся друг с другом в своей хозяйственной и культурной деятельности, придерживались в декоратив-

ном искусстве, если не одного и того же, то во всяком случае близкого художественного стиля. Обнаружить эти национальные особенности нелегко, иногда же настолько трудно, что одним определением стиля, без учета других признаков, нельзя решить вопрос о месте исполнения предметов искусства. Наряду со стилем, хотя и значительно меньшее значение имеет орнамент взятый в отдельности; он мало надежен не только при определении места, но и времени изготовления предмета, так как отдельные узоры обладают поразительной живучестью во времени и необычайно широко распространены географически. С другой стороны, встречаются, правда сравнительно редко, орнаменты, не получившие распространения в пространстве и ограниченные во времени. В этом случае они оказываются очень удобными при определении предметов. Но это исключение. Как правило же, узор взятый отдельно оказывается еще менее надежным признаком, чем стиль в вопросах определения как места, так и времени.

Самым надежным является почерк росписи, всегда индивидуальный для каждого мастера и его школы. Но тут возникает другое затруднение. Узор и орнамент мы можем точно определить, выразить словами и начертать графически. Стиль также поддается анализу и может быть определен, хотя и с меньшей точностью, чем отдельно взятый орнамент. Художественный же почерк характеризуется такими незначительными вариациями в начертании узоров, что определение его словами оказывается делом очень трудным и часто даже невозможным. Опытный же и зоркий глаз всегда замечает особенности почерка без рассудочного анализа, одним ощущением. Но последнее возможно лишь тогда, когда исследователь имеет достаточное количество точно определенных образцов, расписанных одной живописной школой, при наблюдении каковых вырабатывается навык их отличать. При изучении европейской керамики нового времени имеются эти условия, но средневековая керамика Переднего Востока еще мало изучена; марки мастерских и знаки мастеров были у нее мало распространены и мы, располагая очень ограниченным количеством точно определенных предметов, не имеем возможности, так сказать, «набить глаз» для определения почерка росписи отдельных

керамических живописных школ. Отсюда напрашивается вывод, что почерк росписи занимает пока что еще сравнительно скромное место при определении предметов керамики средневекового Переднего Востока.

Следовательно, стилистический анализ, понимая его как разбор стиля, узоров и почерка, только в отдельных случаях, при определении места производства средневековой керамики, может иметь решающее самостоятельное значение, но совместно с другими признаками как: технические свойства черепка, глазури и красок, а также и формы сосудов, его значение велико и без него лишь в редких случаях можно обойтись при сравнительном изучении закавказской керамики.

СТЕКЛО

Коллекция найденного в Двине стекла значительно уступает по количеству керамике. Кроме того, изделия из стекла значительно хуже сохранились, и мы, в основном, располагаем лишь небольшими осколками не позволяющими, в большинстве случаев, судить о форме изделий. Предметов, сохранность которых позволяет судить о форме, сравнительно мало.

Стекло средневекового Переднего Востока очень плохо изучено. Мы значительно лучше знаем стекло первых веков нашей эры. Последнее вызвано тем, что изделий из античного стекла дошло до наших дней значительно больше, чем средневековых, так как с распространением сперва христианства, а затем магометанства обычай захоронения вместе с покойником изделий из драгоценного металла, стекла и керамики прекратился. В особенности мало сохранилась стекла, датированного отрезком времени от 5-го до 13-го столетий. Поэтому, сравнительно скромная коллекция стекла Двина, относящаяся как раз к этому времени, особенно ценна.

По месту находки стекло Двина, так же как и керамика, датируется, в основном, 9 и 11—12 веками.

К раннему времени мы имеем основание относить сравнительно небольшое число экземпляров, но принадлежащих к нескольким видам, среди которых преобладают изделия высокого качества. К ним, прежде всего, следует отнести фрагмент

сосуда с плоским дном и прямыми расходящимися стенками из чистого и прозрачного, почти безцветного, лишь слегка голубоватого стекла с резной орнаментацией № 1* (рис. 1). Фрагмент богато орнаментирован растительными стилизованными мотивами с побегами и полупальметками.

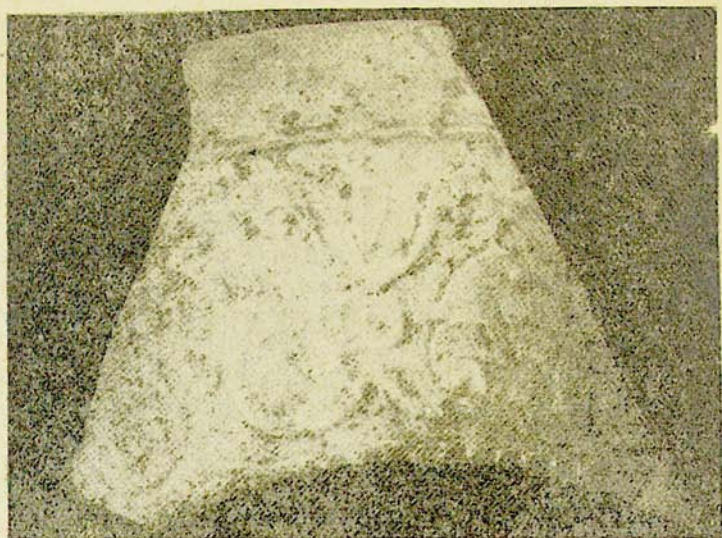

Рис. 1.

Очень близко к двинскому экземпляру, судя по описанию, стекло с резной орнаментацией Самарры на Тигре, при этом некоторые образцы последнего найдены во дворце Джаузак**, что дает нам основание датировать их 9 веком. Среди фрагментов Самарры особенно близки к двинским три фрагмента от одного сосуда, украшенного побегами и полупальметками***.

Резное стекло, тесно связанное по технике и орнаментации

* В тексте указан порядковый номер перечня предметов. В последнем даны каталожные сведения, инвентарные номера и размеры.

** С. J. Lamm, *Das Glass von Samarra*, Berlin, 1928, № 243, т. VI.

*** Там же, № 246, табл. VI.

с резными полудрагоценными камнями*, относится к наиболее дорогим и редким изделиям. Этот способ украшения был распространен в римское время, но не забыт и в средневековье, хотя в это время, в связи с усовершенствованием менее трудоемкого способа, выдувания, он стал применяться реже. При резной рельефной орнаментации приходилось снимать довольно толстый слой с поверхности сосуда, что, естественно, требовало, в особенности при примитивной средневековой технике, большой затраты труда. Близость наших фрагментов к образцам такого же типа изделий из Самарры дает нам основание датировать его 9 веком. Условия находки его в Двине (фрагмент найден в цитадели) последнее не подтверждает, хотя и не опровергает, так как эта часть города существовала ранее землетрясения 893 года. Вопрос о происхождении резного средневекового стекла спорен. Немногие экземпляры, находящиеся в европейских собраниях, происходят из передневносточных стран весьма отдаленных друг от друга. Из Ирана было вывезено блюдо аквамаринного резного стекла с изображениями птиц и животных, хранящееся в музее Виктории и Альберта**, из раскопок же Фостата в Египте происходит глубокая чаша с резными растительными арабесками, изданная Ламмом***. Изготовлены ли все эти изделия в одном центре производства или в нескольких, находились ли они на западе—Египте—или на востоке, неизвестно. Орнаментация двинского фрагмента, так же как и самаррских, близка к узорам позднесасанидских, вернее, исполненных уже в 8 или 9 веках, серебряных изделий. Последнее указывает на Восток, как место производства. В пользу последнего предположения говорит и форма двинского сосуда с плоским дном и прямыми стенками, такой формы стекло найдено в Куфе, в Месопотамии**** и более десятка простых не украшенных экземпляров в Самарре*****,

* Наиболее близок к двинскому фрагменту № 1 по орнаментации кувшин резного горного хрусталя из дворца Питти во Флоренции. Он украшен похожими бутоном и полупальметками. Кувшин воспроизведен в труде: C. J. Lamm, *Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Neuen Osten*, Berlin, 1930, II т., табл. 66, текст, I ч., стр. 192.

** W. B. Honey, *Glass*, London, 1945, табл. 15с.

*** C. J. Lamm, *Glass from Iran*, табл. 32 а.

**** W. B. Honey, *вышеук. соч.*, табл. 12.

***** C. J. Lamm, *Das Glass von Samarra*, стр. 16—17, №№ 12—23.

эта форма чаш встречается чаще округлой. Найденные в Самарре образцы приходится относить к местному производству, так как вряд ли эти дешевые, ничем не украшенные изделия могли быть, при наличии местного стеклянного производства*, привезены в Месопотамию.

Также к резному стеклу, но не столь высококачественному, относятся небольшие флакончики с квадратным, в поперечном сечении, туловом и высоким, слегка расширяющимся горлом. Особенностью этих небольших, служивших для хранения благоуханий, сосудов является устройство основания. Их выдували в форму с таким расчетом, чтобы нижняя половина сосудов была сплошь заполнена стеклом. Затем лишнее стекло основания удалялось шлифовкой в двух перекрещенных направлениях, при этом оставались нетронутыми все четыре угла, превращенные этим способом в четыре ножки. Стороны этих квадратно-призматических сосудов украшались вырезанными перекрещивающимися бороздками. Стекло для них бралось невысокого качества и работа не отличалась тщательностью. Находят экземпляры этого стекла в странах, еще более отдаленных друг от друга, чем места находки резного стекла с рельефной орнаментацией. В музее Виктории и Альберта хранятся экземпляры, найденные в Египте**; в Эрмитаже имеется сосудик, происходящий из Средней Азии, несколько экземпляров находятся в коллекции стекла Самарры и, наконец, несколько экземпляров найдено в Двине (№ 2).

Передневносточное происхождение этих сосудов не вызывает сомнений, но место их производства неизвестно. По имеющимся кратким описаниям и воспроизведениям нельзя установить относятся ли, найденные в Египте и Месопотамии, экземпляры к одному центру производства или к разным. Для решения этой задачи нужно сравнить найденные в этих странах предметы, что невозможно. Основанное на находке этих бальзамариев в Египте мнение Хоней об египетском происхождении всех сосудов этого вида спорно, так как он не знаком с армянски-

* По свидетельству арабского писателя 12 века Идриси, центром производства стекла была Кадезия на Тигре, недалеко от Самарры.

** W. B. Honey, Glass, Zondon, 1945, стр. 41, табл. 13с.

ми и среднеазиатскими экземплярами*. Двинские сосуды близки по форме, но не одинаковы с самарскими**. Во-первых, у двинских углы тулова прямые, у самарских же сточены и, во-вторых, двинские несколько больших размеров. Последнее дает нам основание считать, что найденные в Двине бальзамарии изготовлены в другом центре, но где находился этот центр—в Армении, в соседних странах Закавказья или Иране—в настоящее время нельзя установить.

Оба двинских экземпляра найдены в цитадели, хотя для них датировка 9 веком не может быть исключена, ибо она мало вероятна. Скорее они относятся к более позднему времени. Бальзамарии Самарры, наиболее близкие по форме, найдены не во дворцах, заброшенных после перенесения столицы Халифата снова в Багдат, поэтому мы их также не можем с уверенностью датировать 9 веком. Но в Самарре, во дворце Джаузак найден фрагмент сосуда близкой квадратной формы***. У него прорези в нижней части не доведены до соединения, поэтому бальзамарий опирается не на четыре отдельно стоящие ножки, а на крест. Он, по месту находки, прочно датируется 9 веком, поэтому близкие к нему, но имеющие более сложную и развитую ферму, самарские и двинские экземпляры следует, по всей вероятности, относить к несколько более позднему времени, то есть к 10 столетию. Той же датировки придерживается и Хоней, относя египетские сосуды этого вида к 9—10 векам.

По высокому качеству стекла, чистому и прозрачному, приближается к фрагменту № 1 конический бокал с совершенно гладким туловом. Лишь у края стакан имеет вырезанный углубленный желобок, на дне же внешней стороны—резную куфическую надпись (№ 3). По качеству стекла и тщательности работы стакан относится к высококачественным изделиям. В Самарре найдено несколько фрагментов стаканов такой же формы****. Некоторые из них совсем не украшены, другие имеют лишь желобки, но надписей на них нет. В этом

* W. B. Honey, Glass, Zondon, 1945, стр. 41.

** C. J. Lamm, Das Glass von Samarra, Berlin, 1928, №№ 218, 218a, табл. VII

*** Там же, № 217.

**** Там же, №№ 172—176, рис. 35.

отношении двинский стакан уникален. Близкие стаканы, но с несколько развернутыми краями найдены в Сицилии с монетами 6 столетия*. По месту находки—район собора и дворца католикоса—и по сходству с самаррскими фрагментами двинский стакан следует отнести к 9 веку.

К образцам высококачественного, почти бесцветного, стекла относится фрагмент сосуда, украшенного рельефными кольцами, полученными тиснением при помощи щипцов, подобных вафельницам (№ 4). При этом выпуклостям и вогнутостям одной стороны соответствует тот же рельеф другой. Стекло этой техники украшения найдено на Кавказе помимо Двина еще в Кобане** и вне Кавказа в Египте, Средней Азии и Самарре***. Судить о форме сосудов этой техники украшения по небольшим фрагментам, найденным при раскопках, нельзя, но, во всяком случае, они относятся к небольшим сосудам округлой формы. Хорошо сохранился сосуд, найденный в катакомбах Кобана, изданный Уваровой. Он имеет форму глубокой чаши или, вернее, стакана с цилиндрическими боками. Хорошо сохранились также экземпляры, имеющиеся в еврейских собраниях. К ним, прежде всего, относится найденная в Египте кружка, изданная Шмидтом, с расширенной нижней частью, украшенная внизу рядом колец с выпуклостью посередине и небольшими птицами по тулову****. В музее Виктории и Альберта хранится чаша с цилиндрическими боками, украшенная в той же технике рельефными изображениями стилизованных животных*****. Вероятно и фрагменты из Средней Азии, Двина и Самарры являются осколками стаканов или небольших глубоких чаш. Где производилось это стекло не установлено, но если фрагменты Двина и Самарры, вероятно, относятся к одному центру производства, то фрагмент, найден-

* C. J. Lamm, *Das Glass von Samarra*, Berlin, 1928, стр. 10.

** Уварова, Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа, выпуск VIII, Москва, 1900, рис. 93. Небольшие чаши из катакомб Кобана с цилиндрическими боками, украшены ромбом и овалами. Орнамент очень близок к фрагменту той же техники украшения Самарры, C. J. Lamm, вышеук. соч., № 165, рис. 32.

*** C. J. Lamm, вышеук. соч. № 167, 168 таб. III, IV.

**** R. Schmidt, *Das Glass*, Berlin, 1922, рис. 22.

***** B. Rackham, *A Glass Beaker from Persia in the Victoria and Albert Museum*, Artibus, Asiae, 1925, стр. 307.

ный в Средней Азии, изготовленный из другого, значительно сильнее окрашенного в бутылочно-зеленый цвет, стекла—в другом, хотя по орнаментации все они сходны. Во всех случаях мы имеем кольца, гораздо реже ромбы, обычно с выпуклостью посередине, иногда же, как на одном из фрагментов Самарры и на среднеазиатском собрании Эрмитажа, два концентрически расположенных кольца.

Находка значительного числа фрагментов стекла этого вида в Египте явилась основанием приписывать эти изделия Египту, но уже Ламм, не отрицая приоритета Египта в производстве стекла этой техники украшения, выразил предположение, что некоторые изделия изготовлены в других странах, в частности в Иране. К последним он относит как чашу музея Виктории и Альберта, изданную Рекхемом, так и экземпляры, найденные на Северном Кавказе*. Ламм, как и остальные западноевропейские ученые, не знакомые как с богатой коллекцией средневекового стекла и керамики, найденной при раскопках средневековых поселений Кавказа, так и с безусловными доказательствами местного происхождения ряда высококачественных видов керамики и стекла, игнорировал кавказское происхождение. Нам же последнее предположение кажется вполне вероятным, хотя прямых доказательств мы пока не имеем. Раскопки Самарры и Двина разрешили вопрос о датировке, вызывавшей ранее большие сомнения. Рекхем датировал изделия этого типа римским временем**, Шмидт—неопределенно первым тысячелетием***. Теперь же мы можем смело их датировать 9—10 веками. Последнее подтверждает найденный в Афрасиабе среднеазиатский экземпляр.

Перед тем как закончить разбор раннего стекла Двина остановимся на трех, незначительных по размеру, фрагментах из высококачественного цветного стекла.

Первый фрагмент из прекрасного чистого синего стекла украшен гравировкой при помощи алмаза или корунда. Внешняя поверхность этого фрагмента покрыта сеткой из треуголь-

* C. J. Lamm, *Das Glass von Samarra*, Berlin, 1928, стр. 47. Он ошибочно считает их найденными в Балте.

** B. Rackham, *A Glass Beaker from Persia in the Victoria and Albert Museum artibus Asiae*, 1925, стр. 307.

*** R. Schmidt, *Das Glass*, Berlin, стр. 42.

ников и лепестков, отчетливо видных на синем фоне, так как процарапанные линии имеют белый цвет (№ 5). Большое число фрагментов стекла этой техники украшения синего, голубого и фиолетового цветов найдено в Самарре. Они так же, как и двинский фрагмент, украшены сеткой из геометрических узоров или примитивных растительных мотивов*. Сходство настолько велико, что общее происхождение двинского фрагмента с самаррскими весьма вероятно. Но где производились эти изделия не известно, так как помимо Самарры их находят в значительном числе и в Египте. Ламм, видевший египетские экземпляры, к сожалению не изданные, не приходит к определенному решению и вопрос о месте производства, гравированного от руки при помощи алмаза, стекла остается нерешенным. Производилось это стекло в 9 веке, о чем свидетельствуют как найденный в районе собора и дворца католикоса, двинский фрагмент, так и найденный во дворце Джаузак фиолетовый фрагмент Самарры**.

Два других фрагмента цветного стекла, розового и голубого, отличаются от первого техникой украшения. Они украшены рельефными, даже скорее, высокорельефными изображениями плодов. Рельеф не имеет обычных для резного стекла острых граней и, вероятно, получен прессованием. Из розового стекла, слегка опалесцирующего, изготовлен небольшой осколок, вероятно, стеклянной плитки, с изображением ветки гранатового дерева с плодами и цветком (№ 6).

Фрагмент же из голубого—глушеного—стекла с фиолетовым оттенком, принадлежавший, вероятно, небольшой глубокой чаше открытой формы, украшен виноградной гроздью (№ 7, рис. 2).

Двинские экземпляры этого стекла уникальны. В имеющейся литературе по средневековому передневносточному стеклу нет близких аналогий. По месту находки розовый фрагмент следует отнести к 9 веку, возможно к несколько более позднему времени, к 10 веку, принадлежит найденный в цитадели фрагмент, украшенный виноградом.

* C. J. Lamm, *Das Glass von Samarra*, Berlin, 1928, стр. 79—80, рис. 51 и 52, табл. VII.

** C. J. Lamm, вышеуказ. соч. № 259, табл. VIII.

Где же производилось это стекло?

Мы не имеем достаточных данных для решения поставленной задачи, но предположение о местном армянском, хотя и не обязательно двинском, происхождении этих фрагментов уж очень заманчиво. Может быть не случайно их орнаментация сюжетно перекликается с резьбой Звартноца. Высокорельефные плоды гранатового дерева и рельефные виноградные лозы занимали видное место в убранстве храма.

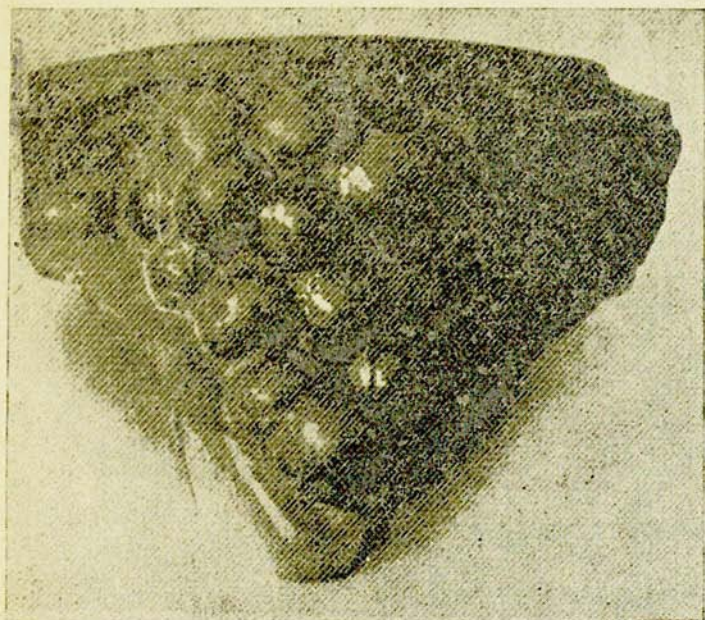

Рис. 2.

Закончив обзор раннего, датируемого 9—10 веками, двинского стекла, бросается в глаза одна особенность—полное отсутствие свободно выдутых изделий с наложенной орнаментацией из нитей, лент или жгутов. То же наблюдается в Сузах и в Самарре*, хотя производство этих, сравнительно дешевых

* В Самарре стекло с наложенными нитями найдено в ничтожном количестве. См. С. J. Lamm, *Das Glass von Samarra*, Berlin, 1928, стр. 83. Ламм отмечает этот факт, но не дает объяснения, считая, что решение его зависит от новых раскопок.

и доступных изделий, широко распространенное еще в римское время, не было оставлено и в 9—10 веках, о чем свидетельствуют найденные в Египте, и особенно в Сирии, образцы. Чем это объяснить? Если на Кавказе, Иране и Месопотамии в это время существовало стеклянное производство, что почти достоверно, то почему же наиболее простые, дешевые и доступные изделия не изготовлялись? Здесь можно дать лишь одно объяснение. В 9—10 веках стекло этого вида не производилось в тех местах, где производились раскопки, а так как транспортировка столь хрупких и бьющихся изделий на дальнее расстояние была затруднительна, то в Двин, Сузы и Самарру ввозили преимущественно лишь более прочное толстостенное стекло. Это предположение находит некоторое подтверждение в том факте, что от 11—12 веков, когда в Двине имелось, как мы увидим в дальнейшем, свое стеклянное производство, стекло с наложенными украшениями из нитей и жгутов сохранилось в большом числе фрагментов (№ № 8, 9, 10, 11, 12, 13).

Начнем описание образцов стекла этой техники изготовления с того экземпляра, который дает нам основание считать, что в 11—12 веках в Двине было свое стеклянное производство. В 1949 году в Двине была найдена чаша по форме очень близкая к безусловно местным керамическим изделиям (№ 8). Так как последние относятся к простейшим видам поливной глиняной посуды, незавозившейся в Двин и, конечно, не служившей для экспортной торговли, то подражание их формам в стекле доказывает наличие стеклоделательных мастерских в Двине. Эту же форму имела чаша, фрагмент которой был найден в 1946 году (№ 13). Наконец, ту же форму мы встречаем и на другом стекле без всяких украшений, еще более простом и дешевом (№ 14). Обычно нити и жгуты, наклепанные на внешнюю поверхность изделий, изготовлялись из того же бесцветного, лишь слегка окрашенного вредными примесями в желтоватый или зеленоватый цвет, стекла из которого были выдуты сами изделия. На лучших же более ценных предметах нити вытягиваются из стекла окрашенного, обычно голубого (№ 11). Из окрашенного же стекла часто лепились бусинки (№ 10). Производилось в Двине и цветное стекло этого вида, изумрудно-зеленого, голубого и фиолетового цветов (№ № 12, 13, 16).

Помимо глубоких чаш, близких по форме к керамике, найдены предметы и других форм. Всех мы не перечисляем, так как объем статьи не позволяет дать полный обзор стекла Двина, но остановимся на сравнительно небольших флаконах с шарообразным туловом, высоким и узким горлом завершенным расширением в виде чашечки (№ 15). Эта форма оказалась очень живучей и, так называемые сосуды для розовой воды из металла, глины и стекла изготавливались на Переднем Востоке до 19 века. Мало этого, среди изготавливаемого для вывоза на Передний Восток китайского фарфора 17—18 веков встречаются сосуды этой формы, как и среди предназначенного для вывоза на Восток русского стекла 18 века*. Находка в Двине стеклянных сосудов этого вида, датируемых не позднее 12 века, говорит о том, что первоначально эта форма была создана в стекле и затем перенята металлическим и керамическим производствами.

Все перечисленные изделия дутого стекла как с наклепленными жгутами и нитями, так и лишенные украшений, найдены в цитадели, что дает нам основание датировать их 11—12 веками.

В заключение скажем несколько слов о росписном стекле Двина. В двинской коллекции имеется небольшое число фрагментов этого стекла, но, к сожалению, столь незначительных по размеру, что судить о росписи невозможно (№ № 17, 18, 19). Эти фрагменты расписаны синей и белой эмалями, золотом и красной краской, служившей для контурного рисунка. Расписывалось как бесцветное, так и синее стекло. Вот и все, что, к сожалению, можно сказать об этом стекле. «К сожалению», потому, что достоверно датируемого 11—12 веками росписного стекла сохранилось очень мало и двинские экземпляры могли бы много сказать о стиле и характере росписи ранних расписных стекол, если бы их сохранность была бы лучше.

Резное стекло

1. Фрагмент сосуда (из нескольких кусков) № 486, I участок 1946 г., выс. 8,5 см, диам. дна 15,5 см, диам. края 18 см,

* В Гос. Эрмитаже хранится стеклянный флакон 18 века, русского производства, № 2243.

сохр. 1/10 часть (рис. 1). Прозрачное, чистое, бесцветное, лишь слегка голубоватое стекло высокого качества. Сосуд имеет плоское дно и прямые расширяющиеся стенки. Вся внешняя поверхность, включая дно, украшена резной рельефной орнаментацией. На дне, ввиду плохой сохранности, орнаментация неразборчива. Стенки украшены фигурами из двух, симметрично расположенных полупальметок внизу и образованного следует отнести к 9 веку, возможно к несколько более позднему в верхней части фигур в обе стороны и завершаются двумя лепестками. Тупой угол, образованный дном и стенками сосуда, украшен заостренными резными зубчиками. 9 век н. э.

2. Бальзамарий бутылочно-зеленого стекла, № 3, I участок, 1947 г., высота без горла 5,5 см, высота ножки 1,5 см, ширина стороны 2 см. Квадратный сосуд с четырьмя ножками по углам. Горло отбито и утеряно. 9—10 столетия.

Примечание: верхняя часть такого же сосуда с горлом найдена в том же году и на том же участке № 239. У этого высота горла равна 2,1 см, ширина же тулова такая же. Предположив, что у первого бальзамария горло было такой же высоты как у второго получим настоящую высоту сосуда с горлом—7,5 см.

3. Стакан почти бесцветного чистого стекла конической формы (№ 184, II уч., 1938 год), выс. 9 см, диам. ножки 4,5 см, толщина стенок 0,2 см. По краю стакана вырезан желобок, на дне же с внешней стороны арабская надпись. 9 век.

Стекло с рельефной двусторонней орнаментацией

4. Фрагмент от стенки сосуда бесцветного, слегка зеленоватого стекла (№ 741, найден 23/XI 1937 г.), размер 6 x 6 см, толщина 0,3 см. Плечи сосуда украшены рядом рельефных колец неправильной формы. С обратной стороны видны те же фигуры, при этом внешним выпуклостям соответствуют внутренние. 9 век. Вследствие разложения поверхностных слоев в фрагменте имеется значительная иризация.

Цветное стекло

5. Фрагмент от края сосуда из синего стекла интенсивного и чистого цвета. № 497, 1937 г., II уч., базилика, найден 6/XI, размер 4,5 x 2,5 см. Наружная сторона этого фрагмента украшена гравированным, при помощи алмаза, орнаментом из треугольников и лепестков. Пропаранные линии белого цвета. Фрагмент принадлежал сосуду неизвестной формы, высокого качества. 9 век.

6. Фрагмент от стеклянной плитки из розового, слегка опалесцирующего стекла. № 298, 1938 г., II уч., размер 3,5 x 2 см, толщина 4 мм. Украшен рельефной веточкой гранатового дерева с плодом и цветком. С обратной стороны поверхность гладкая. Плитка, вероятно, получена прессованием. На поверхности видна небольшая иризация. 9 век.

7. Фрагмент от края сосуда из голубого с фиолетовым оттенком глушеного стекла. № 49, 1948 г., I уч., размер 4 x 3,5 см (рис. 2). Украшен рельефной гроздью винограда. Принадлежал, вероятно, открытой чаше, изготовленной прессованием. 9—10 век.

Стекло, украшенное наложенными нитями и жгутами

8. Чаша прозрачного зеленоватого стекла, № 98, 1949 г., I уч., высота 5,5 см, диам. 11,5 см. Глубокая чаша с почти отвесными, лишь несколько загнутыми внутрь боками, на невысокой кольцевой ножке. Форма близка к поливным чашам простой работы местного производства. Снаружи чаша украшена наклепленными волнисто-изогнутыми жгутами и плоскими невысокими бусинками. 11—12 века.

9. Сосуд (вероятно нижняя часть графина) прозрачного, слегка желтоватого стекла, № 93, 1949 г., I уч., диам. тулова 13 см, диаметр дна 7 см, высота ножки 1,5 см. Сохранившаяся нижняя часть почти шаровидного тулова, на кольцевой ножке, выдутой из отдельной «баночки», не позволяет составить полное представление о форме графина. Внешняя поверхность фрагмента украшена наклепленными жгутами—нитями, изогнутыми зигзагообразно, возможно, прочесанными. Жгуты несколько вдавлены в стенки сосуда и слегка выступают на внутренней поверхности. На дне след от понтии. 11—12 века.

10. Фрагмент верхней части сосуда из прозрачного бесцветного стекла, № 489, 1946 г., I уч., размер 5 x 5,5 см. Украшен наклепленными бесцветными нитями и двумя бусинками, синей и голубой. 11—12 века.

11. Фрагмент от края сосуда прозрачного, слегка желтоватого стекла, № 230, 1946 г., I уч., размер 8,5 x 6,3 см. Принадлежал фрагмент сравнительно большому сосуду округлой формы. Край украшен прилепленной нитью голубого глушеного стекла красивого чистого цвета. 11—12 века.

12. Фрагмент из прозрачного зеленого, изумрудного стекла № 361, 1946 г., I уч., размер 5 x 4 см. Украшен фрагмент наложенными зигзагообразно изогнутыми нитями. 11—12 века.

13. Нижняя часть чаши голубого стекла, № 148, 1946 г. I участок, диаметр нижней части тулова 13 см, диаметр ножки 6 см. Фрагмент принадлежал глубокой чаше с почти отвесными боками, по форме близкой к двинской керамике. Дно сосуда было вдавлено, ножка образовалась наклепленной, слегка собранной в складки лентой. Украшен фрагмент зигзагообразно изогнутыми нитями. 11—12 век.

Дутое стекло без лепных украшений

14. Чаша прозрачного бесцветного, лишь слегка голубоватого стекла, № 94, 1949 г., I уч., выс. 7,5 см, диам. 15 см, диам. ножки 6,5 см. Чаша имеет высокие, почти отвесные бока и низкую кольцевую ножку, сформованную не из отдельной «баночки», а образованную свернутым в два раза стеклянным жгутом. Край чаши отогнут, обрезан и прижат к стенкам чаши. На дне след от понтин. Чаша не имеет украшений, форма ее близка к керамическим поливным чашам Двина. 11—12 век.

15. Флакон прозрачного, слегка окрашенного в желто-зеленый цвет стекла, № 134, 1949 г., I уч., высота 13,5 см, диам. тул. 8 см. Флакон имеет шаровидное тулово, высокое узкое горло завершенное расширением—чашечкой. Дно несколько вдавлено и на нем имеется след понтин. Украшений, кроме вдавленных вертикальных желобков на горле, нет. 11—12 века.

16. Фрагмент чаши фиолетового стекла, № 143, 1946 г., I участок, высота 8,5 см, диаметр ножки 6 см. Чаша имеет отвесные бока и кольцевую ножку, образованную согнутым

толстым, 0,8 см в диаметре, жгутом. Край чаши отогнут, обрезан и прижат к стенкам, как у № 13. Техника обработки края та же, как у оконного круглого стекла из Самарры* и Киева. 11—12 века.

Росписное стекло

17. Фрагмент прозрачного, слегка желтоватого стекла, № 349, 1946 г., I уч., размер 3,8 x 2,5 см. Расписан синей, нечистого тона эмалью и золотом, последнее обведено красной краской. 12 век.

18. Фрагмент такого же стекла как № 17. Найден там же, номер тот же, размер 3,8 x 1,4. Расписан теми же красками. Сохранились части человеческой фигуры. 12 век.

19. Фрагмент прозрачного синего стекла, № 76, 1946 г., I уч., размер 3 x 2,2 см, расписан золотом, белой эмалью и красной (контуры) краской. Орнамент похож на арабские буквы. 12 век.

КЕРАМИКА

А) Неполивная

К наиболее ранним образцам художественной керамики Двина относится черный фрагмент от стенки большого караса. Украшен он рельефной, примитивно выполненной виноградной лозой с усиками и гроздьями, но без листьев. Повидимому, по плечу караса тянулся непрерывно выющийся орнамент в виде виноградной лозы. Гроздья выполнены от руки и каждая ягода украшена процарапанной спиралью. Вопрос о месте производства этого фрагмента не вызывает споров. Местное происхождение простых неполивных изделий, тем более таких крупных как карасы, не вызывает сомнений для всех поселений, для которых наличие керамического производства могло быть доказано. Для Двина имеются, как мы увидим в дальнейшем, прочные доказательства местного производства, следовательно, и местное происхождение рассматриваемого фрагмента, как и остальной неполивной, простой и дешевой керамики не вызывает сомнений.

* C. J. Lamm, *Das Glass von Samarra*, Berlin, стр. 128, рис. 74, 75

Значительно труднее разрешить вопрос о датировке. Архаичность орнаментации, с одной стороны, и, если и не реалистическая, то во всяком случае явно указывающая на виноград, трактовка непрерывно выходящего орнамента, в дальнейшем лишь обобщенно передающего отдельные элементы выходящего растения, с другой, указывают на раннее время, приближающееся к Звартноцу, где мы также встречаем этот узор в виде виноградной лозы с гроздьями и листьями. Следовательно, мы можем, хотя и не с полной достоверностью, отнести этот фрагмент к 7-му веку н. э.

Этот фрагмент является единственным образцом ранних карасов, найденных в Двине. Все остальные экземпляры относятся к последнему периоду жизни города—к 12 и началу 13 веков. Карасов с крупными рельефными изображениями зверей—барсов и тигров—анийского типа, датируемых более ранним временем, в Двине не найдено. Карасы 12 и начала 13 веков украшались орнаментированными полосами, нанесенными на предмет тиснением при помощи специальных валиков с рельефными изображениями. Техника украшения определяется особенностями орнаментации. Орнаментированная полоса обычно обхватывает предмет по наибольшей окружности или несколько выше. От этой основной полосы иногда тянутся несколько меньших полос к горлу сосуда. Кроме того, рисунок орнаментированных полос или тянется непрерывно, или разбит поперечным делением на отдельные участки с разными изображениями зверей, птиц, рыб, человеческих фигур, деревьев и плетением или розетками. Последние повторяются через два или три, в зависимости от того, сколько фигур нанесено на валик, при помощи которого оттиснуто изображение. Поверхность карасов, как правило, отполирована и имеет более яркий красный цвет, чем орнаментированные полосы, полировкой не затронутые. Этого типа карасы найдены, помимо Двина и Ани, в Дманиси и Старой Гяндже. Карасы Дманиси очень близки к анийским и отличаются от карасов Двина темным кирпично-красным черепоком крупного зернистого строения. По строению черепка карасы Старой Гянджи занимают промежуточное положение между карасами Двина и Ани. Изображения на всех карасах плоско-рельефные, лишь в Ани найдено неболь-

шое число фрагментов с округлыми изображениями. Орнаментация карасов Старой Гянджи отличается расположением орнаментированных полос в несколько рядов и встречающимися изображениями рыб. Вышеприведенное различие в черепке и орнаментации говорит о том, что во всех этих пунктах было свое, хотя и очень близкое по форме и стилю рельефов, производство карасов. Карасы этого типа из Ани, Дманиси и Старой Гянджи датируются по месту находки 12—13 веками, но так как для Двина 13 век, взятый целиком, отпадает и можно принимать во внимание лишь начало 13 века, то всю эту группу карасов, по стилистическому сходству безусловно одновременных, нужно датировать 12-м началом 13-го века.

По форме карасы Двина относятся к двум видам: у одного тулово имеет яйцевидную форму и сравнительно неширокое горло (№ 2)*, другие имеют широкое горло и приземистое, как бы придавленное книзу тулово (№ 3).

В художественном отношении карасам не уступают кувшины для воды, хотя обычно беднее украшенные, но изысканные по форме и замечательные по тонкости черепка и тщательности исполнения. В Армении, как и в других южных странах, особенно ценится в летнее время холодная вода. Поэтому сосуды для воды, не из стремления к дешевизне, а с единственной целью сохранить их пористость, оставляли без глазури. Вода, просачиваясь через стенки этих кувшинов и испаряясь, охлаждает стенки сосудов и тем самым сохраняет нужную температуру. Украшались эти изделия лишь процарапанной и рельефной тисненной орнаментацией, так как всякая роспись, покрывая стенки сосудов слоем краски, уменьшала их проницаемость. Поэтому мастера вынуждены были обращать особое внимание на качество черепка, дефекты которого нельзя было скрыть под ангобом и глазурью и на красоту формы. Керамисты Двина прекрасно справились с этой задачей, создав оригинальные и изящные формы. Тщательным же подбором хорошо отмученных и сортированных сырых материалов и полировкой внешней стороны сосудов достигли красивой поверхно-

* Карас издан мной. Художеств. керамика двинских раскопок. Известия Армян. филиала АН СССР, вып. 4—5, Ереван, 1940, рис. 1.

сти, приятной по матовому блеску и окраске. В отличие от иранских высококачественных неполивных сосудов, богато украшенных рельефной орнаментацией*, армянские мастера орнаментировали кувшины очень скупо, оставляя основную поверхность ничем не украшенной. Последнее и не требовалось, так как белая и окрашенная соединениями железа в темнокоричневый, почти черный и в кирпично-красный цвета поверхность этих изделий и без украшения была красива. Реже всего встречаются темнокоричневые экземпляры. К ним относится целиком сохранившийся кувшин, хотя и склеенный из многих частей, с почти шаровидным туловом и оригинально устроенной ножкой, стороны которой прорезаны треугольниками и закончены вторым дном (№ 5, рис. 3). Этим приемом мастер не только украсил кувшин, вся поверхность которого, за исключением трех узких лент, образованных тремя процарапанными линиями, оставлена гладкой, но и достиг технического усовершенствования. Благодаря двойному дну, кувшин можно ставить прямо на стол не рискуя замочить скатерть, просачивающейся сквозь стенки сосуда водой. Прорезами же на ножке достигалось, благодаря циркуляции воздуха, испарение воды и на нижней части кувшина, что увеличивало охлаждение всего сосуда.

Такое же устройство ножки имеет красно-глиняный кувшин (№ 6), отличающийся от черного несколько иной формой тулова, к тому же украшенный, помимо процарапанных линий, еще и косорасположенными вдавленными бороздками. Этот кувшин все же нужно относить к тому же производственному центру. Очень уж близки у них по форме ручка, ножка и горло, да и процарапанная орнаментация у обоих кувшинов, черного и красного, одного типа. Иную, низкую, каблучную ножку имеет замечательно красивый по форме красноглиняный кувшин (№ 7, рис. 4), с вдавленными, по тулову соединенными полукружиями. Несмотря на значительно отличающуюся форму и этот кувшин следует отнести к тому же производственному центру, ввиду сходства черепка и техники украшения; вдавленная

* Интересны образцы этих изделий имеются в Историческом музее Акад. наук Арм. ССР (из собрания Малаяна).

Рис. 3.

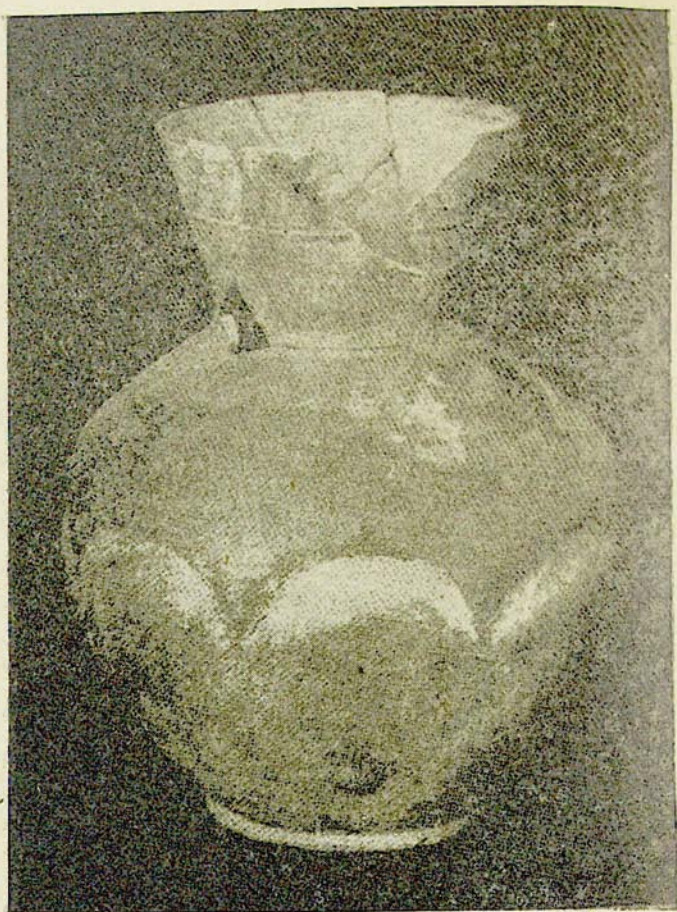

Рис. 4.

орнаментация, прямая у предыдущего экземпляра и полукруглая у последнего, настолько сходна по приемам, что вероятно исполнена одним мастером.

Возможно к другой мастерской Двина следует отнести ряд кувшинов из светлой, почти белой глины с небольшой желтизной. По форме они сильно отличаются друг от друга. Наряду с

приземистыми широкогорлыми кувшинами имеются сосуды стройные с высоким узким горлом (№ 8). Среднее положение занимают кувшины так же с высоким, но не узким горлом, иногда расширяющимся к зеву раструбом (№ 9, рис. 5), иногда же цилиндрическим. У последних тулово не шарообразное, а также как и горло, цилиндрическое. Но, несмотря на различие формы и эта группа кувшинов относится к одному производству. Все они имеют близкие черепки и все, также как и черный и кирпично-красные экземпляры, скуп

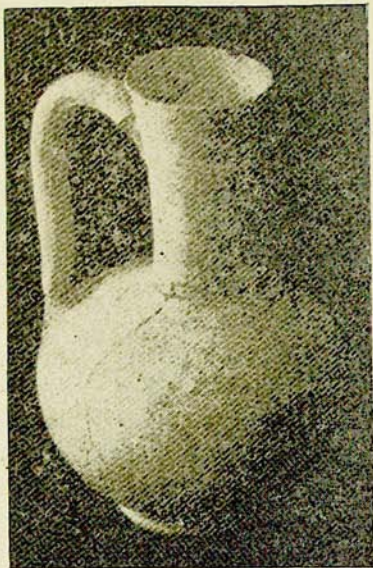

Рис. 5.

украшены процарапанной и рельефной орнаментацией из узких ребер. Рассмотренные нами неполивные кувшины найдены на Участке, то есть в цитадели и, следовательно, для них наиболее вероятны 11—12 столетия, хотя и 10 век не может быть исключен. Местное происхождение всей этой сходной группы изделий, так же как и карасов, не вызывает сомнений, тем более, что, как уже упоминалось выше, описанные нами двинские кувшины отличаются от иранских.

Перед тем как перейти к разбору поливной керамики Двина, следует еще остановиться на сфероконических сосудах, найденных в Двине в значительном количестве. Назначение этих сосудов долгое время вызывало споры. Одни считали их

боевыми снарядами, вместилищами «греческого» огня, другие, основываясь на найденных в них остатках ртути,—сосудами для хранения ртути. Последнее предположение нельзя опровергнуть, но, вернее, что эти небольшие сфероконические сосуды с толстыми и твердыми стенками, у лучших изделий совсем непроницаемые для жидкостей, служили для перевозки и хранения не только ртути, но и прочих ценных лечебных средств, благовоний и косметик*. В Закавказье сфероконические сосуды находят во многих местах. Большие коллекции были обнаружены в Ани, найдены сосуды и в Дманиси, Старой Гяндже и Орен-кала. Наконец, обнаружены оригинальные экземпляры этих изделий и в Тбилиси**. На первый взгляд, найденные при раскопках поселений Закавказья сфероконические сосуды, похожи друг на друга. Все они имеют округлую форму; у всех небольшое горлышко с перехватом для перевязки мягкой укупорки; все имеют толстые стенки и плотный, твердый черепок, украшены они рельефными фигурами, нанесенными на поверхность при помощи штампов. Но при внимательном изучении оказывается, что первое впечатление ошибочно. Сфероконические сосуды далеко не все одинаковы. Они отличаются по черепку, у некоторых видов более плотному и твердому, у других же сравнительно мягкому и более пористому; по форме, иногда сильно вытянутой, в других же случаях расширенной, почти приплюснутой и, наконец, по ornamentации. Объясняются эти отличия, во-первых, временем производства, во-вторых—местом и, в-третьих—качеством. В одно и то же время и в том же производственном центре изготовлялись сосуды бедно и богато украшенные, более мягкие и твердые, в зависимости от предъявленного спроса. При сравнении сосудов, найденных в вышеперечисленных поселениях Закавказья,

* Подробнее о назначении найденных в Армении сфероконических сосудов смотри статью Р. Джанполадян. Сфероконические сосуды из двинских раскопок. Труды Госуд. Историч. музея АН Арм. ССР, № 3, 1950 (на арм. языке).

** Б. Джапаридзе, Керамика XI—XIII вв. из Тбилиси. Вестник Гос. музея Грузии им. Акад. С. Н. Джанашиа, т. XVI—В, 1950 (на грузинском языке), рис. 6, стр. 151.

нельзя их всех относить к одному месту производства и к одному времени.

Для сфероконических сосудов Ани, относящихся по черенку к трем разновидностям, характерна богатая орнаментация из рельефных горошин, миндалин и розеток. Сосуды, найденные в Старой Гяндже и Орен-кала, отличаются от анийских вдавленной орнаментацией из двойных концентрических кругов. Тбилисские сосуды имеют шаровидную, даже несколько приплюснутую форму*, не встречающуюся на изделиях этого типа из других поселений Закавказья. Все это говорит о том, что сфероконические сосуды не только производились в Закавказье, но и в нескольких пунктах, так как, предположив обратное, нельзя было бы объяснить, почему в одно место ввозили сосуды одного вида, в другое иного. Последнее нельзя объяснить и одновременностью, так как сосуды, найденные в Ани**, Тбилиси, Старой Гяндже и Орсн-кала, датируются, по месту находки, одним временем, правда очень широким, 11—12 веками. Высказанное предположение подтверждается относительно сфероконических сосудов Двина и Орсн-кала (изделия этого вида из Старой Гянджи явно одного происхождения с оренкалинскими), в обоих этих пунктах найдены фрагменты с производственным браком, доказывающие наличие местного производства. Вероятно, самостоятельное производство этих изделий существовало и в районе Тбилиси. Двинские сосуды отличаются от всех прочих как формой, более шаровидной, чем у изделий Ани и Орсн-кала, но не приплюснутой как у сосудов Тбилиси, так и орнаментацией, хотя и приближающейся к анийской, но значительно менее перегруженной. Сосуды Двина, в основном, можно разбить на две группы: с мягким и очень твердым черепком. Первые найдены в районе собора и дворца каталикоса (№ 10). Они совсем не украшены и ввиду мягкости черепка далеко не совершенны; их стенки в некоторой степени пористы, что должно было приводить к потере ценного содержимого, будь то благовоние или лечебное средство. Да-

* В. Джапаридзе, Керамика XI—XIII вв., из Тбилиси, Вестник Гос. музея Грузии им. С. Н. Джанашия, т. XVI, 1950 г. (на грузинском языке), рис. 6, стр. 151, сосуд а и б.

** Б. Шелковников, „Художественная керамическая промышленность средневековой Армении“. Известия Армянского филиала Академии наук СССР, вып. 3—4, 1942, стр. 6—8.

тируются они, по месту находки, ранним временем—9 веком—на целых два века раньше, чем время изготовления сосудов, найденных во всех остальных местах раскопок Закавказья. Вероятно, этим и следует объяснить их техническое несовершенство. К более позднему времени, уже к 11—12 векам, следует отнести сфероконические сосуды второго вида из раскопок Двина (№ 11). У них очень твердый и плотный черепок, по твердости и непроницаемости близкий к фарфору. По высоким техническим качествам они стоят, пожалуй, на первом месте среди изделий этого вида Закавказья, хотя по нарядности и изысканности орнаментального убора уступают анийским.

1. Фрагмент караса № 49, найден 5/X 1938 г., II уч., разм. 31 x 24 см. Черепок темный, почти черный, крупнозернистый. Твердость 3—4. Украшен рельефной виноградной лозой с гроздьями и усиками. 7—8 века.

2. Карас № 204, 1938 г., I участок, высота 37 см, диаметр 31 см. Форма яйцевидная с не очень широким горлом без ножки. Края горла развернуты. Черепок кирпично-красный, внутри имеет серый цвет. Вся поверхность, кроме орнаментированных полос, отполирована. Основная орнаментированная кайма, исполненная тиснением, тянется вокруг караса. Перпендикулярно к ней расположено еще 4 каймы, доведенные до шейки сосуда. Горизонтальная кайма разбита поперечными полосами на отдельные участки с изображением стилизованных горных козлов, исполненных плоским рельефом. Вертикальные полосы украшены рельефным тиснением. Карас разбит и склеен. Сохранился на 3/4. 12 начала 13 века.

3. Карас № 500, 1947 г., I уч., высота 42 см, выс. горла 10 см, диам. горла 32 см, диам. тулова 47 см, диам. дна 18 см. Он имеет форму широкого приплюснутого горшка с широким горлом. Дно дисковидное, без ножки. От плечей караса к горлу расположены четыре вертикально поставленные ручки. От верхней части ручек тянутся к горлу завитки не достигающие до стенок сосуда. Черепок кирпично-красный, лощеный, сильно закопчен. На плечах караса, между ручками, изображена соединенная вершинами пара треугольников с гравированными контурами. Пространство внутри треугольников заполнено, так же гравированными, горизонтальными черточками. Вокруг

горла тянется процарапанная зигзагообразная линия с вдавленными небольшими треугольниками. Под зигзагом кайма из небольших вертикальных ребрышек. Нижняя часть ручек украшена четырьмя вдавленными кружками. Тулово караса в самом широком месте охвачено тисненым орнаментированным поясом с изображениями птиц. Орнамент повторяется через три фигуры, отделенные друг от друга двумя вертикальными черточками с ответвлениями, изображающими, как будто, забор из колючек. Карас реставрирован. 12 начало 13 века.

Примечание: к разновидностям карасов относится карас № 180, 1947 г., уч.-I. Он украшен, помимо тиснения и гравировки, инкрустацией из голубого фаянса.

5. Кувшин 1949 г., I участок, высота 18 см, окружность 43 см, диаметр 13,5 см, высота горла 3 см, высота ножки 2,5 см (рис. 3). Кувшин почти шаровидной формы с широким горлом, ручкой и прорезной ножкой с двойным дном. Черепок темно-коричневый, почти черный, мелкозернистый. У основания горла на плечах и немного ниже наиболее широкой части тулова, гравировано по три параллельных линии. Украшением сосуда является ножка с процарапанными тройными зигзагами и треугольными прорезями между ними. На внешнем дне четырехлепестковая розетка с тройными гравированными контурами. По ручке сверху вниз тянется ряд приплюснутых рельефных горошин. Кувшин хорошо моделирован и по изысканности формы и орнаментации принадлежит к лучшим образцам двинской керамики. Сохранился почти целиком, склеен из многих частей. 11—12 века.

6. Кувшин № 230, 1949 г., I участок, высота 18 см, диаметр 15 см, высота горла 2,5 см, высота ножки 1,8 см, диаметр зева и внешнего дна 7 см. Форма кувшина близка к предыдущей с той лишь разницей, что наибольший диаметр тулова расположен не посередине, а придвинут к ножке. Черепок коричнево-красный, мелкозернистый. Поверхность отполирована. Ножка, так же как на предыдущем, прорезана треугольниками и украшена тройным процарапанным зигзагом. По тулову расположены, сверху вниз с уклоном вправо, широкие бороздки, ограниченные наверху и внизу поясом из ряда параллельных линий. Углубленные места бороздки, ножка и пояса с парал-

лельными линиями не полированы, поэтому имеют матовую и не столь ярко окрашенную в красный цвет поверхность как весь кувшин. По работе этот кувшин несколько грубее № 5, но все же относится к лучшим образцам неполивной керамики Двина. Реставрирован. 11—12 века.

7. Кувшин № 443, 1946 г., I участок, высота 19 см, диаметр 16 см, высота горла 5,5 см, диаметр зева и ножки 7 см (рис. 4). Тулово почти шаровидное, горло широкое расширяющееся к зеву, ножка невысокая, каблучная. О форме ручки судить нельзя, так как она отбита и утеряна. Черепок коричнево-красный. Поверхность полирована. Широкая часть тулова украшена в обхват рядом вдавленных полукружий, обращенных к горлу сосуда—всего 8 полукружий. Сохранился почти целиком, не хватает ручки. 11—12 века.

8. Кувшин № 39, 1949 г., I участок, высота 19,5 см, диаметр 15 см, высота горла 10 см, диаметр ножки 5,5 см, высота ножки 0,3 см. Тулово почти шаровидное, горло высокое, узкое. От середины горла, загибаясь вверх, к плечам сосуда тянется ручка. Ножка низкая, каблучная.

Черепок светлосерый, с небольшой желтизной, мелкозернистый и мелкопористый. Горло посередине и у зева украшено тремя узкими рельефными, горизонтально расположенными, ребрами. Нижнее ребро имеет мелкие зубчики. Кувшин склеен, сохранились почти все части. 11—12 века.

9. Кувшин № 37, 1948 г., I участок, высота 16 см, диаметр 10 см, диам. ножки 5 см, выс. горла 7 см, выс. ножки 0,5 см (рис. 5). Тулово почти шаровидное, горло высокое расширяющееся раструбом. От горла к тулову тянется ручка. Ножка невысокая, каблучная. Черепок светлосерый, как у предыдущего кувшина. Твердость 2—3 по шкале Мосса. По горлу у зева тонкой гравировкой нанесена волнистая лента, состоящая из шести линий. Гравировка исполнена инструментом близким к гребенке с теснорасположенными остриями, так как линии на поворотах сходятся почти сливаясь в одну черту. На тулове у горла инкрустировано три кусочка голубой смальты. Кувшин относится к прекрасным образцам неполивной керамики. 11—12 века.

10. Сфероконический сосуд № 206, 1938 г., II участок,

высота 12 см, диаметр 10 см. Почти шаровидный сосуд с узким горлом, но сравнительно широким отверстием.

Черепок снаружи черный, внутри коричнево-красный, средней твердости, 4—5 по шкале Мосса. Украшений нет никаких. Горло отбито и отсутствует. 9 век.

11. Сфероконический сосуд № 149, 1949 г., I участок, высота 12 см, диаметр 9 см. Форма сфероконическая, горло невысокое с перевязью для мягкой укупорки и узким отверстием.

Черепок серый, очень твердый и плотный—7—8 по шкале. Сосуд украшен тремя вертикальными ребрами, тремя рельефными орнаментами в виде плетения и десятилепестковыми вдавленными розетками. 11—12 века.

Б. Поливная керамика

Поливная керамика с окрашенным ангобированным черепком

К наиболее ранней поливной керамике Двина относятся изделия, расписанные красками по ангобу без гравировки, найденные на втором участке, т. е. в районе собора и дворца каталикоса. По месту находки они датируются 9 веком. Особенностью этих изделий является применение окрашенного в розовый цвет ангоба. Цветные ангобы, распространенные в Средней Азии, в Закавказье не встречаются, за исключением изделий рассматриваемого вида. По форме это или небольшие, неглубокие чаши с округлыми боками в двух вариантах; с почти отвесным бортиком (№ 12)* и без него (№ 13), на невысокой каблучной ножке; или же чаши значительно большего диаметра, приближающиеся к блюдам, на невысокой кольцевой ножке, № 15. О последней форме мы не можем составить себе полного представления, так как сохранились одни лишь фрагменты. Расписывались изделия фиолетовой, зеленой и ко-

* Изданы в моей статье „Художественная керамика двинских раскопок“. Изв. Армянского филиала Академии наук СССР, № 4—5, Ереван, 1940, стр. 184, рис. 2.

ричневое-желтой красками под глазурью. Орнаментация, в большинстве случаев, геометрическая или сильно стилизованная—растительная. Как исключение встречаются изображения животных, № 19. Украшались эти изделия в основном узорами двух видов. К первому относится орнаментация небольших чаш, дно которых разбитое сеткой на квадраты украшалось в шахматном порядке желто-коричневыми пятнами и фиолетовыми стрелками, № № 12, 13, 14. Встречается также шахматная сетка с чередованием не стрелок и пятен, а желтых овалов с зеленой и фиолетовой обводкой, № 15. Этот узор является переходным ко второму виду, для которого характерна уже не шахматная сетка, а петли и разводы, иногда напоминающие листья, заполненные такими же желтыми овалами, обведенными зеленой краской. Вокруг овалов, как правило, разбросаны небольшие фиолетовые пятнышки, № № 17, 18. На фрагменте с изображением головы и шеи животного, вероятно лошади, мы также видим желтые овалы, но обведенные не зеленой, а фиолетовой краской, пятнышки же, заполняющие свободное пространство, здесь не фиолетовые, а зеленые, № 19. Близость черепка, глазури, ангоба и родство орнаментация вынуждает нас относить эти, расписанные по ангобу изделия к одному производству. Подобной керамики мы нигде, кроме Двина, не встречаем, в Двине же она представлена большим числом образцов, около 100, что уже, само по себе, доказывает местное происхождение. Место находки, хранящихся в музее Звартноца образцов керамики этого вида, в частности неизвестно. Возможно, что они найдены также в Двине. Если же их обнаружили в Звартноце, то это свидетельствует лишь о том, что рассматриваемые изделия еще в 9 веке завозились в Звартноц из Двина, так как обратное предположение мало вероятно. Керамика этого времени с росписью по ангобу нигде в Закавказье, кроме Баку, не найдена. Несколько образцов этих изделий хранятся в музее Азербайджанской Академии наук (среди них фрагменты чаши № 172). Помимо общей с двинскими техникой украшения, эти ранние изделия как из Баку, так и из Двина, имеют близкую по форме каблучную ножку и в основном геометрическую орнаментацию, хотя мо-

тивы узоров у них различны. Во всем остальном черепок, краски и форма, исключая устройство ножки, у них различны. На выпшеописанной двинской керамике роспись железной красной краской, в противоположность бакинской, отсутствует.

На II участке городища Двина ангобированная керамика найдена лишь вышеописанного вида, при этом, как уже говорилось, в очень большом количестве экземпляров. Все же остальные виды изделий с простым окрашенным черепком обнаружены в районе цитадели. Кроме того, найденная на II участке керамика совсем не обнаружена в Ани, где самые ранние изделия датируются 10 веком. Последнее подтверждает нашу датировку этих изделий 9 веком. Первое же говорит о том, что в это время в Двине производилась простая поливная керамика лишь этого вида. Кроме этих изделий в районе собора и дворца каталикоса обнаружены высококачественные фаянсы с росписью кобальтом и люстром, но о них мы будем говорить в дальнейшем.

Коллекция простой поливной керамики из цитадели Двина огромна, при этом она чрезвычайно разнообразна и явно не одновременна. Наряду с изделиями, украшенными одной гравировкой и соскабливанием ангоба с пятнистой расцветкой под прозрачной глазурью, мы имеем образцы прекрасной расписной керамики с растительной орнаментацией, у которых гравировка по ангобу имеет лишь подчиненное значение: она служит для контурного рисунка. Помимо бесцветной глазури изделия из цитадели покрывались и цветными поливами. Это разнообразие, вызванное в значительной степени одновременностью обнаруженной на этом участке керамики, сильно затрудняет разрешение вопроса о датировке. Последнее осложняется еще тем, что место находки внутри цитадели и глубина, на которой найден тот или иной предмет, в большинстве случаев не дают нам возможности уточнить датировку внутри большого отрезка времени от 10 до начала 13 веков. Объясняется это тем, что большинство образцов керамики найдено в ямах и колодцах, куда выбрасывался всякий сор и ненужный лом, зачастую проваливавшийся на большую глубину не ука-

зывающую на древность, так как глубокие ямы рылись во все периоды жизни города.

Датировать более точно чем 10—13 веками, найденную в цитадели керамику мы можем, в большинстве случаев, лишь сопоставляя ее с двинской керамикой 9 века и керамикой, найденной при раскопках Ани, Дманиси, Старой Гянджи и других поселений Закавказья. В некоторых случаях помогает датировать найденный, совместно с исследуемым предметом, комплекс изделий, как правило, тоже керамических. Как уже говорилось, мы не можем рассчитывать при раскопках цитадели встретить в значительном количестве раннюю керамику, так как обычно при раскопках городов и поселений в огромном большинстве находят предметы, относящиеся к последнему периоду жизни города в наших условиях к 12 началу 13 веков. Все же на основании аналогий с изделиями, обнаруженными в более счастливых, в смысле датировки, условиях, мы можем выделить некоторое число предметов, относящихся к 10 и 11 столетиям. Прежде всего, по сходству формы и манере украшать край с рассмотренной нами керамикой 9 века, одну разновидность изделий с гравировкой и соскабливанием ангоба следует, вероятно, отнести к 9—10 векам. К ним принадлежит чаша из раскопок 1937 года, украшенная наложенными друг на друга фигурами: белой восьмилепестковой розеткой—ангоб оставлен и темной четырехлучевой звездой—ангоб удален, № 20 (рис. 6). Форма, размер и ряд фиолетовых пятен по борту те же, что и на расписанной без гравировки чаше 9 века, № 12.

Рассматриваемая нами чаша интересна в двух отношениях: во-первых, мы на ней впервые встречаем беспорядочную пятнистую расцветку и узор в виде большой, заполняющей почти всю внутреннюю поверхность, восьмилепестковой розетки. Оживление цветными пятнами поверхности нераскрашенных изделий часто встречается на двинской и вообще армянской керамике. Но этот способ украшения был широко распространен не только на керамике Закавказья, но и вне его. Пользовались им не только в средневековье, но и гораздо позднее, вплоть до 19 века. Применялся этот способ украшения и на кустарной керамике в Средней Азии 19-го начала 20 веков, при этом ему при-

давалось магическое значение. По свидетельству Е. М. Пещеровой, цветные пятна на посуде должны предохранять ее от сглаза. Применяли их в Средней Азии главным образом на изделиях с прозрачной глазурью, слегка окрашенной в желто-

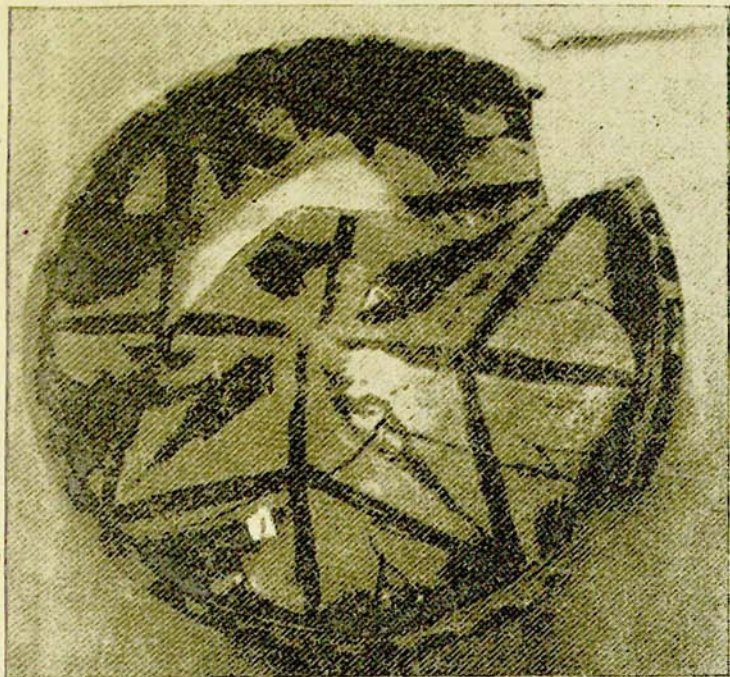

Рис. 6.

ватый цвет примесью окислы железа. Последняя считается поганой, нечистой и пятна ее очищают*. Это суеверие, конечно, древнего происхождения и, вероятно, было распространено не только у народов Средней Азии, а значительно шире. Вполне возможно, что и в Армении пятнам придавали магическое значение. Как мы увидим в дальнейшем, не только простая поливная керамика, украшенная гравировкой, но и великолеп-

* Елена Михайловна Пещерова. Гончарное производство Средней Азии. Техника производства, стр. 34—35 (рукопись).

ные белые фаянсы, покрытые бесцветными прозрачными глазурями большой чистоты, расцветивались синими пятнами никак не согласованными с гравированной орнаментацией. Теперь мы любуемся игрой этих ярких пятен, в прошлом же, очень возможно, мастера, беспорядочно нанося их на поверхность керамических изделий, преследовали не только декоративные цели, но и, следуя суеверию потребителей, стремились предохранить их от сглаза.

Большие восьми, иногда шести и редко четырехлепестковые розетки, заполняющие всю или почти всю, внутреннюю поверхность чаш, часто встречаются на средневековой керамике Армении как на изделиях, найденных в Двине, так и в Ани. Интересно, что этот узор принадлежит к тем редко встречающимся орнаментальным мотивам, которые не получили широкого распространения и поэтому очень ценны при определении места производства. Нигде, кроме Армении, он не встречается. Не видим мы его на керамике Ирана, Средней Азии и Месопотамии, нет его и на изделиях, найденных при раскопках в Грузии и Азербайджане. Следовательно, на керамике всех стран, окружающих Армению, большой, занимающей всю поверхность изделий, розетки мы не встречаем. Тем удивительнее может показаться, на первый взгляд, единственное исключение из этого правила—восьмилепестковая большая розетка, по рисунку очень близкая не к описанной ранее двинской чаше, а к более поздним двинским, № 25, и анийским изделиям 12—13 веков, имеется на фрагменте чаши из Херсонеса с гравировкой по агнобу и раскраской двумя красками: желтой и зеленой*. Этот случай сходства херсонесской керамики с кавказской не единственен. В Дманиси найдено два фрагмента, гравированных по агнобу и расписанных под глазурью чаш с интересным рисунком. На дне изображено крупное, почти круглое человеческое лицо. На лучше сохранившемся фрагменте видно, что лицо окружено двумя кольцами—первым фиолетовым и вторым зеленым. От последнего отходят в четыре стороны восемь

* Музей Херсонеса, № 3433/10, изд. А. Л. Якобсоном в работе, „Средневековый Херсонес“. Москва — Ленинград, 1950, № 49, табл. XI.

зеленых полос, попарно соединенных у основания*. Этого вида орнаментация нигде, кроме Дманиси, не встречается, за исключением, опять таки, Херсонеса**. При этом лучше сохранившийся херсонесский экземпляр позволяет раскрыть орнаментацию дманисского фрагмента. На чаше, найденной в Херсонесе, от круга, обрамляющего лицо, отходят четырнадцать полос, также попарно соединенных у основания. В дальнейшем, полосы снова приближаются друг к другу, образуя семь лепестков. Этого на фрагменте из Дманиси, ввиду плохой сохранности, не видно. Вероятно и на нем были также нарисованы лепестки, но в отличие от чаши Херсонеса их было не семь, а четыре. Возможно, что здесь мы имеем стилизованное изображение подсолнуха. Обе херсонесские чаши, безусловно, сделаны в Крыму, так как их двухкрасочная раскраска, без фиолетовой, типична для расписной средневековой керамики Херсонеса. Связь же их орнаментации с керамикой Кавказа очевидна. Трудно предположить, что крымские мастера переняли эти узоры с закавказской керамики, привезенной в Крым: уж очень велико расстояние. Расходы по перевозке такой простой, не очень дорогой керамики, вряд ли могли окупиться. Нельзя объяснить это явление и случайностью. Скорее в потоке армянских переселенцев, двинувшихся в Крым после монгольского завоевания, были и мастера-керамисты, которые обосновавшись на новом месте пользовались при украшении керамики узорами, принятыми на покинутой ими родине. Датировка обеих херсонесских чаш подтверждает это предположение. Они датируются не ранее середины 13 века, следовательно, временем после монгольского завоевания.

К ранним изделиям, украшенным гравировкой и соскабливанием ангоба, следует отнести чашу с округлыми боками, без борта, с ленточным плетением на дне, № 21 (рис. 7). Форма этой чаши близка к изделиям 9 века с подглазурной росписью без гравировки. Такие же округлые бока имеет фрагмент чаши

* Музей Грузии, № 1048, изд. Л. Мухелишвили, „Раскопки в Дманиси“. Советская археология, 1940, № 6, стр. 258.

** Музей Херсонеса, № 4732/8, изд. А. Л. Якобсоном в вышеуказанной работе, № 55.

с распределенными в шахматном порядке стрелками и желтыми пятнами, № 13. Видимо эти две формы небольших чаш, с невысоким отвесным бортиком, № 12 и без него, № 13, существовавшие уже в 9 веке, повторяются в дальнейшем, при этом

Рис. 7.

у простых изделий чаще встречается первая форма, с отвесным бортиком, у белоглиняной же керамики, наоборот, вторая, с красиво и плавно изогнутыми округлыми боками*. Большое число чаш, украшенных гравировкой и соскабливанием ангоба, найдено в 1946 году, при этом некоторые из них обнаружены совместно с белоглиняными фаянсами, с гравированной по сырому тесту орнаментацией. Последние найдены, помимо Двина, и в Ани. Анийские по месту находки датируются 10 самое позднее 11-м веком. Этим же временем следует датировать и двинские экземпляры как белоглиняных изделий, так и ангобированной керамики с гравировкой и соскабливанием ангоба. Все они оживлены беспорядочно или небрежно распределенными по поверхности зелеными пятнами.

* Фаянсовые белоглиняные чаши этой формы изданы мной в статье „Художественная керамическая промышленность средневековой Армении“. Известия Армянского филиала Академии наук СССР, № 3—4, Ереван, 1944, стр. 17—20, рис. 6, 7 8.

Вернемся к двинской чаше, украшенной ленточным плетением. На ней, на темном фоне—ангоб удален, расположены переплетенные светлые ленты—ангоб оставлен, № 21 (рис. 7). Поверхность этой чаши оживлена небрежно, но все же в некотором порядке, распределенными зелеными пятнами. Край чаши украшен рядом фиолетовых пятен: мотив появившийся еще в 9 веке, но применявшийся, почти обязательно, на ангобированной гравированной керамике 10-го и начала 11 веков. Ленточное плетение встречается в орнаментации армянских рукописей. При том простые переплетения, как на рассматриваемой чаше, относятся к раннему времени. В евангелии 986 года (№ 7—8, Картинная галерея Армении, Ереван) на странице 14 помещена миниатюра: «крест на горке» в виде треугольника—«Голгофа». Горка сплош покрыта ленточным плетением того же вида, как на чаше № 21. По мнению заслуженного деятеля искусств Армянской ССР Л. А. Дурновой, эта миниатюра раньше евангелия 986 года, так как она вшита и написана на старом счищенном тексте. Слегка видимые буквы полиграфически датируют этот текст 9 веком. Плетеный орнамент встречается на двинской керамике рассматриваемого вида редко. Значительно чаще мы видим другой узор, повторяющийся в различных вариантах. Наиболее просто выражен он на чаше, найденной в 1947 году, № 22 (рис. 8). На ней мы видим четыре полосы, отходящие не от центра чаши, а несколько отступя, упираясь в смежную полосу. У края чаши к этим полосам примыкают треугольники. Все вместе напоминает вертушку*. В вариантах этого узора треугольники заменяются ромбами, сами же полосы округляясь принимают иногда очертание, удлиненных лепестков-ланцеток.

К очень интересным, по орнаменту, экземплярам керамики рассматриваемого вида относится чаша, найденная в 1946 году, с изображением закругленных растительных побегов с большими стилизованными цветами, № 23 (рис. 9). Побеги, и особенно цветы, похожи на те же мотивы, украшающие свободные пространства «сасанидских» блюд с изображением зверей.

* Похожая фигура встречается на керамике из Олинфа. А. Хундопулос, *Bysantine Pottery from Olynthys*. Помещена в книге David Robinson *Excavations of Olynthys*, Oxbord, 1933. табл. 205 А. 1.

Цветок двинской чаши близок по рисунку к цветку на серебряном блюде Гос. Эрмитажа с изображением льва, терзающего лань*. Эти серебряные изделия не принадлежат к сасанидскому времени, о чем писал еще Я. И. Смирнов в кратком

Рис. 8.

вступлении к «Восточному серебру»**. Для них вполне вероятно 8-е или даже 9-е столетия. В таком случае сходство ornamentации двинской керамической чаши с этим серебром становится вполне объяснимым и в свою очередь вынуждает нас, при датировке этой керамики, считаться с вышеуказанным фактом. Того же стиля ornamentацию мы видим на фрагменте от боков чаши с изображением белых (ангоб оставлен), растительных завитков по сторонам центрального бутона, № 24.

* Блюдо найдено в селе Половодове Соликамского уезда, Пермской губ. Изд. И. Орбели и К. Тревер „Сасанидский металл“, Москва—Ленинград, 1936, табл. 26, и Я. И. Смирновым, „Восточное серебро“, Петербург, 1909, № 106.

** Там же, стр. 7—8.

Этот фрагмент принадлежит чаше с прямыми конусовидными боками, под углом отходящими от плоского круглого доньшка. Форма этой чаши, также, как и две ранее указанные, повто-

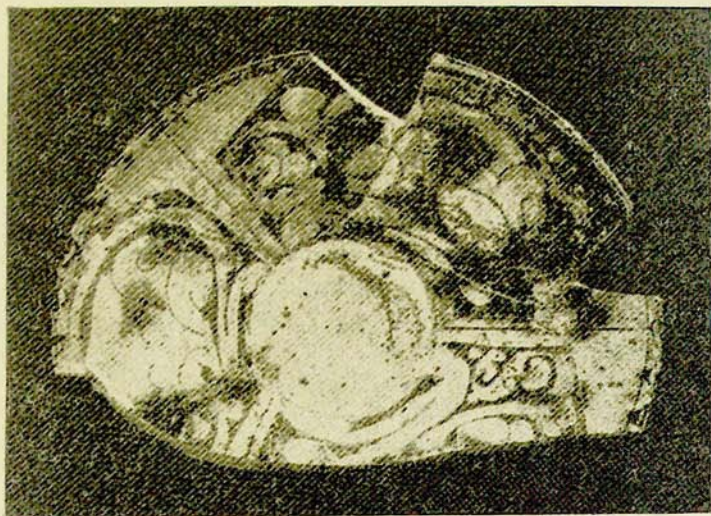

Рис. 9.

ряется, хотя и реже, в более позднее время на двинской керамике. Из всего вышеизложенного следует, что всю эту группу местной двинской керамики нигде, кроме Двина, она не найдена, следует датировать как по сходству форм и отдельных орнаментальных мотивов с керамикой 9-го века, так и по стилистической близости к «сасанидскому» серебру 10-м веком. Более позднее время, по сравнению с росписной без гравировки керамикой, определяется находкой основной массы этих изделий в цитаделе, а не в районе собора и дворца каталикоса. Возможно к более раннему времени, к концу 9-го или 10-го веков, следует отнести чашу с наложенной на восьмилепестковую розетку четырехлучевой звездой, № 20: уж очень близка ее форма, а главное—размер, к датируемой 9-м веком чаше с шахматной сеткой из стрелок и пятен, № 12.

Перед тем, как перейти к разбору более поздней ангобиро-

ванной керамике Двина, с росписью и гравировкой, датируемой 11, 12 и даже началом 13-го века, остановимся вкратце на керамике, покрытой цветной глазурью и украшенной гравированной по ангобу орнаментацией. Эта керамика, помимо своего художественного значения, интересна для нас еще потому, что для нее мы имеем прямое доказательство местного производства, подтверждающее, в свою очередь, местное происхождение остальных ангобированных изделий, высказанное нами как предположение. Вся ангобированная керамика Двина, помимо индивидуальных черт в орнаментации, имеет светлый, сравнительно тонкий черепок, отличающий ее от изделий той же техники производства и украшения, найденных в других местах Закавказья. Последнее говорит о происхождении ее из одного центра и, следовательно, доказав местное производство одной разновидности, приходится распространить ее и на остальные, хотя вполне вероятно, что не вся ангобированная керамика производилась в одних и тех же мастерских. Некоторые из них возможно находились не в самом городе, а в его окрестностях. Лучшее в Закавказье качество черепка ангобированной керамики Двина указывает на наличие хороших гончарных глин, которыми пользовались, конечно, все мастерские как городские, так и находящиеся в окрестностях. Обычно цветная глазурь ангобированной керамики Двина имела изумрудно-зеленый цвет, чистый и красивый на лучших экземплярах. Глазурь других цветов встречается редко. Из керамических изделий Двина, украшенных прозрачной зеленой глазурью, безусловно в самом городе производились большие, неглубокие чаши, обжигавшиеся в печи в перевернутом виде, о чем свидетельствует стекание глазури к краям сосудов. На дне этих чаш сохранились следы от шипов треугольных подставок, на которые опирались изделия в обжигательной печи, № № 25, 26. В Двине найдены эти треугольные подставки, при этом размеры одной из них (№ 485) соответствуют следам на дне большой чаши № 25*. Последнее является безусловным доказательством того, что эта керамика производилась в самом

* Издана вместе с подставкой в вышеуказ. моей статье о двинской керамике, стр. 188, рас. 5.

городе. Украшались эти изделия гравированными по ангобу большими восьмилепестковыми розетками, типично армянским узором, встречающимся, как мы уже говорили, лишь на двинской и анийской керамике. Датировать эти чаши помогает форма, отличающаяся от трех основных форм, появившихся еще в 9-м и 10-м веках, а именно: округлые чаши с бортиком, такие же без последнего и чаши с прямыми конусовидными боками. У рассматриваемых зеленых чаш округлые бока несколько загибаются внутрь, при этом снаружи у края имеется перехват. Изделий этой формы, датируемых ранее 12-го века, не найдено. Их не было, например, в колодцах Багратидского дворца, где обнаружена большая коллекция ранней армянской керамики, датируемая временем до сельджукского завоевания. Так как конец 11-го века, ввиду разрушений и разрухи, вызванных сельджуками, не может быть принят во внимание, то 12-й век вероятно является временем возникновения этой формы. Здесь нужно помнить, что новая форма не вытесняет окончательно старую и поэтому в 12-м веке мы встречаем, как увидим в дальнейшем, все ранние формы. То же наблюдается и при смене техники украшения. Новая техника становится преобладающей, но не вытесняет окончательно старую. В результате этого явления, в более поздние времена ассортимент керамических изделий становится богаче и разнообразнее. Так, например, в 9-м веке, как мы видели, ангобированная керамика расписывалась под глазурью, в дальнейшем появилось соскабливание ангоба и гравировка по нему, уступившие в свою очередь, в 12-м веке, как будет видно из дальнейшего, росписи совместной с гравировкой. Но старые виды украшения не вышли из употребления и в течение всего средневековья мы встречаем керамику, украшенную как одной росписью, так и одной гравировкой. Здесь, конечно, подразумеваются изделия, покрытые прозрачной, бесцветной глазурью, так как при цветной росписи, вообще, может применяться лишь как исключение при том, как правило, одноцветная—обычно черной краской.

Зеленой глазурью в Двине покрывали, помимо чаш, вазы и кувшины, представленные в двинской коллекции великолепными образцами. Они отличаются от неполивных своей

формой. В нескольких экземплярах в Двине найдены кувшины с зевом простого и остроумного устройства. Сильно расширенное к краям горло сжималось посередине, еще в сыром состоянии до первой сушки предмета, после формовки и закреплялось полукруглым кусочком глины. Этим, чисто керамическим способом достигалось отделение носика, для слива жидкости, от горла, служившего для наливания в кувшин. Кувшины этой формы покрыты зеленой и голубой глазурью, № № 27, 34 (рис. 10). Имеются также кувшины с одним отверстием. К ним

Рис. 10.

принадлежит кувшин с цилиндрическими туловом и горлом, № 28. Наконец, по очень интересному фрагменту, № 29, видно, что в Двине изготавливались поливные кувшины с двумя совершенно разделенными отверстиями: горлом и носиком. Наконец, нельзя не упомянуть о небольшом кувшинчике, с формой тулова, напоминающей спасательный круг с отверстием посередине, № 30. Эта форма встречается на украинской кустарной керамике и русских квасниках 18-го века. Также разнообразны по форме, покрытые зеленой глазурью, вазы № № 31, 32, 33.

Керамика, покрытая цветной глазурью украшалась гравировкой по ангобу. Орнамент никогда не покрывал всю поверхность. Наряду с узорами из линий и зигзагов, встречаются ленточные переплетения № 31, и растительная орнаментация из завитков, помещенная в ромбы неправильной формы, № 28, 29. Последняя распространена на керамике 12—13-го веков и имеется на вышеописанных зеленых чашах Двина. Датировать кувшины и вазы приходится широко, 11—12 веками, кроме тех экземпляров, орнаментация которых позволяет более точную датировку. К последним относятся два кувшина с растительными завитками, их по стилю можно отнести к 12-му веку, поскольку этот узор на более ранних изделиях не встречается.

Перед тем, как перейти к разбору керамики со следующей, по времени, техникой украшения,—подглазурной росписью с гравированным по ангобу контурным рисунком,—остановимся на одной чаше, интересная орнаментация которой и форма, вынуждают нас датировать ее 12-м веком, хотя по технике украшения—гравировка и соскабливание ангоба—она могла быть отнесена к более раннему времени, № 35 (рис. 11). Орнаментирована эта чаша большой розеткой и непрерывно выходящим узором, типичными для армянской керамики начиная с 10-го столетия. Но растительные завитки, помещенные между лепестками розетки и кругом, в который она вписана и характер, сложного и растрепанного, непрерывно выходящегося орнамента, вынуждают нас датировать ее 12-м веком. Интересно, что и в Ани найдена чаша той же техники украшения, № 310 (Исторический музей, Ереван)*. На ней мы видим непрерывно выходящий орнамент и растительные завитки очень близкие по рисунку к двинской чаше. № 35. По месту находки анийская чаша датируется 12—13 веками.

Расписанная под глазурью и гравированная керамика Двина, в основном, может быть разделена на две разновидности. Для первой—типично небрежная, в малой степени согласованная с гравированным рисунком, расцветка, для второй—

* Издана мной в статье „Художественная керамическая промышленность средневековой Армении“, стр. 11, рис. 3.

наоборот, роспись вполне подчиненная гравированному рисунку. Если в первом случае, рисунок оказывается смятым из затерявшимся в красочных пятнах, то во втором, наоборот, роспись способствует ясности и выпуклости рисунка. К первой

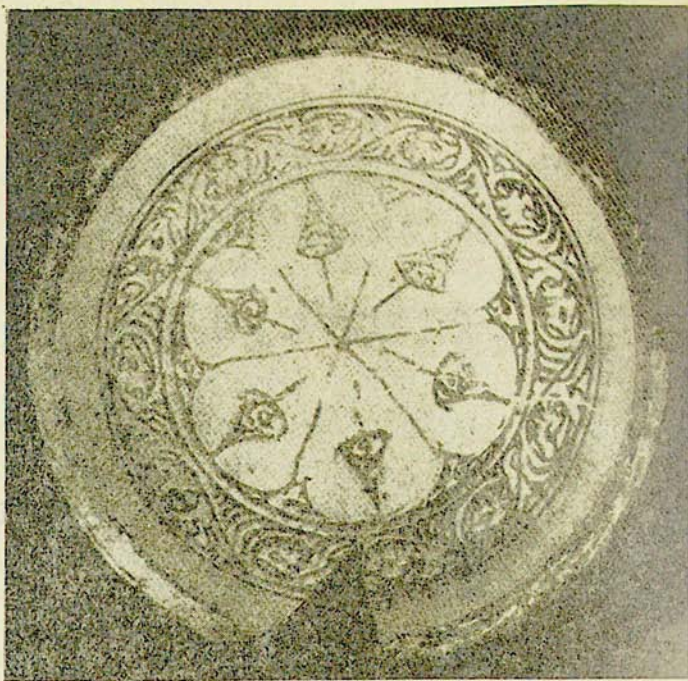

Рис. 11.

разновидности относятся изделия, украшенные излюбленным керамистами Двина примитивным узором из радиально расположенных двойных петель с зигзагом посередине. Этот узор располагается по бокам чаш, иногда в один, иногда в несколько, до трех рядов. Роспись этой керамики заключается в том, что петли попеременно раскрашиваются в желтый и зеленый цвета, свободные же пространства между ними обычно заполняются радиальными удлиненными фиолетовыми пятнами. Появился этот узор, повидимому, еще в 11-м веке, так как к этому времени по форме и ряду фиолетовых пятен по краю, следует

относити двинскую чашу, № 36 (рис. 12), но пользовались им и в 12-м столетии. К этому же времени возможно относится найденная в Ани чаша, вероятно двинского происхождения (№ 321, Исторический музей, Ереван). Керамика, украшенная

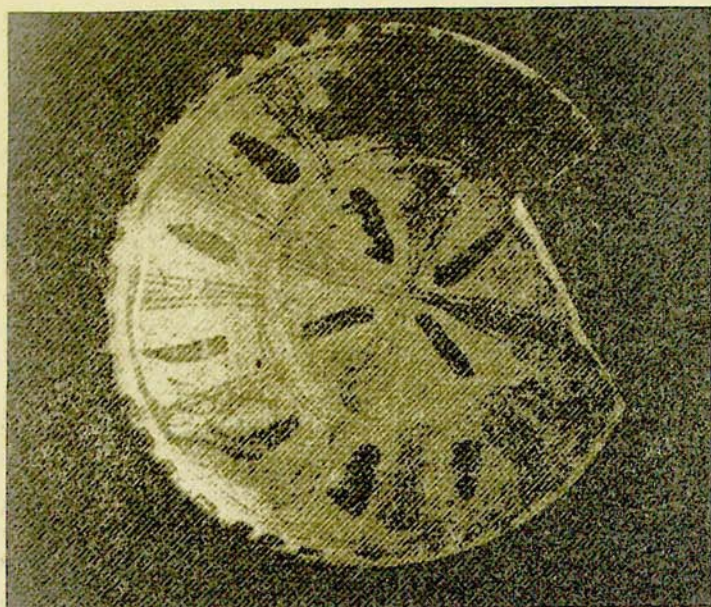

Рис. 12.

этим узором, найдена также в Дманиси (№ 76, музей Грузии, Тбилиси) и старой Гяндже (№ 1480, фототека музея Низами в Баку). Они отличаются от двинских черепком и вероятно изготовлены на месте находки, что говорит о распространенности этого узора на керамике Закавказья.

Великолепным примером небрежной росписи является большая чаша, найденная в Двине в 1939 году. № 37*. Вся ее внутренняя поверхность занята большим цветком, раскрашенным в три краски: зеленую, желтую и фиолетовую. Роспись

* Чаша издана мной в вышеуказанной статье о двинской керамике, стр. 186, рис. 4.

небрежная и краски набегает друг на друга. Но это не только не понижает высоких художественных достоинств этого шедевра армянского декоративного искусства, а скорее, усиливает игру красок, сообщая предмету живописность, редко достижимую в росписи керамики. Форма этой чаши с конусовидными боками ранняя, позволяющая отнести ее к 11 и даже к 10-му столетию, но развитая, пышная орнаментация говорит о более позднем времени, так как для ранней керамики как Двина, так и Ани характерно более умеренное, лишь частично заполняющее поверхность, убранство. Последнее указывает на 12-й век, типичный же двинский черепок доказывает местное происхождение.

Керамика расписанная красками в согласии с гравированным рисунком слабо представлена в двинской коллекции. Те немногие образцы, которыми мы располагаем, украшены геометрической и стилизованной растительной орнаментацией. Изделий с изображениями птиц и зверей нет, за одним исключением. Последнее тем интереснее, что керамика с изображениями животных этого вида найдена во всех местах раскопок Закавказья, при этом всюду в значительном числе экземпляров. Керамика с изображениями животных, на основании находки этих изделий в Гударехи, замке царицы Русуданы (1222—1245), существовавшем лишь в 13-м веке, должна датироваться этим временем, когда Двин был уже в полном упадке и его керамическая промышленность, если она еще и существовала, не могла не отразить общего обнищания города. Конечно, из факта находки этих изделий в Гударехи нельзя было бы ограничить датировку гравированной и расписной керамики с изображением зверей одним 13-м столетием, но здесь помогает Двин. Отсутствие этих изделий в Двине говорит против производства их в 12-м веке. Единственная, найденная в Двине, чаша этого вида принадлежит к высококачественным изделиям. В центре помещено очень интересное изображение аиста со змеей в клюве; кругом, обычные для этих изделий, растительные побеги и фиолетовые, сгруппированные по три, точки, № 38 (рис. 13). Изображения животных, среди растительных побегов, часто встречаются на белоглиняной керамике Двина, датируемой 10—11 веками, о которой речь будет идти впереди.

При сравнении их с керамикой росписной и гравированной, при безусловном сходстве композиции, обнаруживаются значительные отличия. В противоположность изделиям 10—11 веков на керамике с гравировкой и росписью звери всегда изображают-

Рис. 13.

ся без заметной стилизации и настолько близко к природе, что легко распознается то животное, которое хотел воспроизвести художник. Кроме того, в отличие от вышеуказанных ранних изделий, на рассматриваемой керамике, совсем не встречается изображений фантастических существ: сфинксов, грифонов, крылатых человеко-быков и других. Растительный орнамент состоит из сравнительно тонких побегов со слабо выраженными листочками и ни цветов, ни пальметок, ни полупальметок, характерных для керамики 10—11 веков, тут мы не встречаем. Кроме того, свободное пространство заполнялось фиолетовыми точками, обычно сгруппированными по две или три вместе. Последнее характерно для керамики 12—14 веков, когда любили украшать изделия густой орнаментацией. Как мы уже говорили, керамика этого вида была широко распространена в Закавказье, при этом на ней особенно часто встречаются изображения домашних животных, зачастую переданных

правдиво. В особенности хорошо удавались лошади. На небольшом фрагменте из Старой Гянджи (№ 436, музей Низами в Баку) изображена лошадь с уздечкой; повидимому был изображен всадник, что подтверждает, хорошо схваченный наклон головы лошади. Также хорошо передана голова собаки на фрагменте, найденном в Старой Гяндже (№ 1478, музей Низами в Баку). Изображения зверей встречаются реже, среди них правдиво передается заяц (№ 800, музей Низами в Баку и музей Грузии в Тбилиси). Чаше же всего изображались птицы, при этом домашние, петухи и куры, удавались лучше. Дикие же птицы, как правило, настолько стилизованы, что далеко не всегда можно разобрать, какую птицу хотел нарисовать художник. В этом отношении выделяется хорошим и правдивым рисунком двинская чаша с изображением анста. Ее особенностью является то, что на ней растительные побеги резервированы по зеленому фону. Роспись этого типа встречается крайне редко и из всех экземпляров этой керамики, найденной в Закавказье, лишь на чаше из Дманиси, с изображением голубя, мы видим также нарисованные растительные побеги (№ 1710, музей Грузии).

Перейдем теперь к вопросу о том, где изготовлялась чаша с анстом? Прежде всего бросается в глаза большое стилистическое сходство образцов этой керамики, найденной в разных местах Закавказья. Везде мы встречаем ту же композицию, — помещенные в центре предмета крупные изображения животных среди растительных побегов, ту же расцветку и тот же прием заполнения свободного пространства фиолетовыми точками. В некоторых случаях сходство настолько велико, что если не обращать внимания на черепок, то можно было бы приписать этим изделиям происхождение из одних мастерских. Так, например, чаша с голубом из Дманиси, очень близка к фрагменту с птицей из Ани (№ 309, Исторический музей, Ереван), фрагмент со львом из Ани (№ 312, Исторический музей, Ереван) к фрагменту с тем же изображением из Дманиси (№ 3019, музей Грузии). Но при более внимательном изучении этой керамики приходится решительно отбросить возможность общего происхождения. Прежде всего черепок их различен. Наиболее грубый и темно окрашенный черепок имеют пред-

меты, найденные в Ани. Большинство керамики из Дманиси имеет также грубый, но более светлый черепок с характерными белыми вкраплениями. Расписная гравированная керамика Старой Гянджи делится по черепку на два вида. Первый, к которому относится большинство найденных здесь изделий, имеет яркий, кирпично-красный черепок, по строению более тонкий, чем у керамики Ани и Дманиси, но более грубый чем у дзинских изделий. Второй вид отличается светлым желтоватым черепком, по тонкости строения приближающимся к серому или слабо окрашенному черепку Двина. Очень высок по качеству черепок расписной ангобированной керамики из Орен-кала. Он плотен, тонок по строению и окрашен в розовый с желтизной цвет. Кроме того, изделия из Орен-кала покрыты тонким слоем глазури и поэтому, врезанные в ангоб линии целиком ею не заполнены и заметны на ощупь. Отличаются изделия этого вида и, по другим признакам. Для керамики из Орен-кала характерна аккуратная гравировка, краски на ней почти не расплываются и вполне согласованы с контурным рисунком. Для керамики Двина с росписью и гравировкой характерна пятнистая, почти не согласованная с гравировкой расцветка, чаша с аистом, как говорилось, является исключением. Керамика из Старой Гянджи, Дманиси и Ани занимает в этом отношении промежуточное положение. На основе всего вышеизложенного, приходится признать, что несмотря на большое стилистическое сходство, керамика этого вида, с изображениями животных, производилась в разных местах. Последнее говорит о том, что закавказские города Ани, Дманиси и Орен-кала производили и художественную керамику настолько близкую в техническом и стилистическом отношениях, что отличить ее можно лишь в процессе внимательного изучения.

Разрешив вопрос о производстве гравированной и расписной керамики с изображениями животных среди растительных побегов, мы не ответили на то, где была изготовлена двинская чаша с аистом. Это и понятно по двум причинам: единичная находка, как бы значительна она не была, мало что может сказать и, кроме того, черепок чаши с аистом отличается от прочих изделий Двина своей яркой окраской. Не можем мы отнести ее к какому-нибудь определенному керамическому центру За-

кавказья, хотя ближе всего, по четкости рисунка, она подходит к керамике из Орен-кала. Приходится в настоящее время оставить вопрос открытым, пока новые материалы, найденные в Двине, не помогут разрешить нам эту загадку.

Керамика, расписанная по ангобу без гравировки

12. Чаша с округлыми боками, почти отвестным невысоким бортом, на низкой каблучной ножке и слегка вдавленным доньшком, № 133, 1938 г., II участок, высота 5 см, диаметр 14 см, толщина 0,6—0,7 см.

Черепок светлый, кирпично-красный, для простой поливной керамики тонкого строения. Глазурь прозрачная, бесцветная, покрывает чашу лишь внутри. По розовому ангобу чаша расписана под глазурью тремя красками: зеленой, буро-фиолетовой и коричнево-желтой. Орнаментация геометрическая. По борту тянутся два концентрических круга: зеленый—внешний и фиолетовый—внутренний; в последний вписано четыре квадрата попеременно зеленого и фиолетового цвета. Самый маленький внутренний квадрат разбит зелеными линиями на квадратики, внутри которых в шахматном порядке расположены желтые круги и фиолетовые стрелки. Край чаши украшен рядом фиолетовых пятен. Чаша сохранилась на 7/8. 9-й век.

13. Фрагмент чаши с округлыми боками, № 112, 1938 г., II участок, диаметр 13 см, толщина 0,6—0,7 см.

Черепок и глазурь, как у № 12. Расписана теми же красками, по такому же ангобу. По борту, между двумя зелеными концентрическими крупами, расположены зеленые и фиолетовые дуги. Дно также, как у № 12, разбито на квадратики с фиолетовыми стрелками и желтыми пятнами. Сохранилась на половину. 9-й век.

14. Фрагмент от дна чаши на низкой каблучной ножке, № 509, 1937 г., II участок, базиличная церковь, размер 7 x 6,5 см. Черепок и глазурь такие же, как и у предыдущих. Расписан теми же красками по розовому ангобу. Изображена сетка из квадратов с фиолетовыми стрелками и желтыми пятнами. 9-й век.

15. Фрагмент от дна сравнительно большой чаши на низкой кольцевой ножке, № 508, 1937 г., II участок, базиличная церковь. Размер 8 x 4,5 см, толщина 1 см. Глазурь и черепок, как и в предыдущих, расписан теми же красками. Поверхность фрагмента разделена зеленой сеткой на квадраты, в которых в шахматном порядке размещены овальные желтые пятна с зеленой и фиолетовой обводкой. В данном случае стрелки заменены овалами, отличающимися цветом ободка. 9-й век.

16. Фрагмент от дна чаши на низкой кольцевой ножке, № 349, 1937 г., II участок, базиличная церковь. Размер 6 x 5,5 см, толщина 1 см.

Черепок, как у предыдущих, глазурь сильно повреждена и загрязнена, поэтому розоватый цвет ангоба виден плохо. Расписан теми же красками. Изображены желтые овалы с зеленым ободком. По полю, кругом овалов, разбросаны фиолетовые точки. 9-й век.

Примечание: на этом фрагменте сетки нет, но овалы имеют тот же вид, как у № 15.

17. Фрагмент от дна большого предмета, вероятно блюда, на кольцевой ножке. № 265, 1938 г., II участок. Размер 10 x 8 см, толщина 0,8—1,2 см.

Черепок и глазурь, как и у предыдущих. Ангоб такой же. Фрагмент расписан теми же красками. Посередине большой зеленый овал, возможно лист. Внутри расположены желтые овалы, неправильной формы, обведенные зеленой краской. Внутри овалов разбросаны фиолетовые точки. 9-й век.

Примечание: овалы и точки того же вида, как на фрагменте № 16. Найден этот фрагмент в тот же день и в том же месте, как и чаша № 13, последняя украшена сеткой со стрелками и пятнами.

18. Фрагмент от дна сосуда на низкой кольцевой ножке. № 288, 1937 г., II участок. Арочное здание. Размер 10 x 6 см, толщина 0,6—0,7 см.

Черепок, глазурь и ангоб такие же, как и у предыдущих. Об орнаменте в целом по фрагменту судить нельзя. Повидимому дно сосуда было разбито радиальными полосами на сегменты, заполненные овалами и точками того же вида, как у ранее описанных. 9-й век.

19. Фрагмент от доньшка. № 112, 1949 г., II участок. Размер 8 x 7,5 см, толщина 0,8 см.

Черепок, глазурь и ангоб такие же. Расписан теми же красками. Изображена шея и голова лошади. Фрагмент видимо принадлежал к блюду с изображением всадника. Шея лошади украшена овалами неправильной формы с желтыми пятнами внутри. 9-й век.

Примечание: несмотря на то, что в Двине найдено большое число фрагментов керамики этого вида, изображение животного мы встречаем впервые. Приписывать этот фрагмент к другому производству нет оснований, так как помимо сходства черепка и глазури, мы видим на нем те же овалы с желтой серединой и разбросанные вокруг них точки. Разница лишь в том, что точки эти в большинстве зеленого цвета.

Керимика, украшенная гравировкой и соскабливанием ангоба с подглазурной расцветкой

20. Чаша с округлыми боками, почти отвестным невысоким бортом и каблучной ножкой. № 503, 1937 г., высота 5 см, диаметр 13,5 см, толщина 0,4—0,5 см.

Черепок светлый, кирпично-красный, сравнительно тонкого строения. Глазурь бесцветная, слегка желтоватая, покрывает чашу лишь внутри. Внутренняя поверхность покрыта белым ангобом. Орнамент исполнен гравировкой по ангобу с удалением последнего в местах фона. Внутри, во всю чашу, изображена светлая—ангоб оставлен—восьмилепестковая розетка, разбитая темными полосами на четыре части. Кроме того, путем снятия ангоба, на розетке изображена темная четырехлучевая звезда. Поверхность чаши расцвечена подглазурными зелеными пятнами. По краю чаши расположен ряд фиолетовых пятен. Сохранилась на 9/10, конец 9-го начало 10-го веков.

Примечание: форма этой чаши очень близка к чаше № 12.

21. Чаша с округлыми боками без борта, со слегка загнутыми внутрь краями, на невысокой кольцевой ножке, № 160, 1946 г., I участок, высота 6,5 см, диаметр 19,5 см, диаметр ножки 7 см, сохранилась на 7/8.

Черепок сравнительно тонкого строения, желтоватый. Глазурь внутри бесцветная, слегка желтоватая, снаружи зеленая,

покрывает чашу лишь на половину, все дно чаши украшено широким ленточным плетением, светлым по окраске, так как ангоб оставлен. Фон темнокоричневый, ангоб удален. В про-светах между переплетенными лентами круглые, светлые пятна—ангоб оставлен—с небольшими гравированными завитками. По краю ряд фиолетовых пятен. Чаша небрежно расцвечена зелеными, радиально расположенными пятнами. 10-й век.

22. Чаша округлой формы с небольшим бортиком на каблучной ножке. № 177, 1947 г., I участок, высота 5 см, диаметр 13 см.

Черепок сравнительно тонкого строения, серого цвета. Глазурь бесцветная. Дно украшено 4-мя полосами, отходящими не от центра чаши, а несколько отступя, упираясь в смежную полосу. У свободных концов полос треугольники, направленные вершинами в одну сторону. Рисунок напоминает колесо, вертушку, приходящую в движение от воздуха. Поверхность небрежно расцвечена зелеными пятнами. По краю чаши ряд фиолетовых пятнышек. 10-й век.

Примечание: тот же узор и близкую форму имеют чаши: № 136, 1946 г., I участок, № 37, 1946 г., I участок, № 34, 1947 г., I-й участок и № 11, 1949 г., I участок.

23. Чаша округлой формы, с очень слабо выраженным бортиком на кольцевой ножке. № 323, 1946 г., I участок, высота 7 см, диаметр 19 см (рис. 9).

Черепок и глазурь, как у предыдущих, на боках чаши, разделенных радиальными гравированными линиями на 3 части, изображены светлые растительные побеги с листьями и большим цветком на темном фоне—ангоб удален. Чаша беспорядочно расцвечена зелеными пятнами. По краю ряд фиолетовых пятнышек. Сохранилась на половину. 10-й век.

Примечание: орнаментация чаши близка к узорам поздне-«сасанидского», вернее, относящегося к 8—9-му векам, серебра.

24. Фрагмент чаши с конусовидными боками, под углом отходящими от плоского доньшка. № 391, 1946 г., I участок, размер 18 x 8 см.

Украшен соскабливанием ангоба. Изображен бутон, по

сторонам которого симметрично изгибаются растительные побеги, стилистически орнамент близок к предыдущей чаше. Черепок розоватый, глазурь слегка желтоватая внутри и зеленая снаружи. По краю ряд фиолетовых пятен. 10-й век.

*Ангобированная керамика с цветной глазурью
и гравировкой по ангобу*

25. Чаша с округлыми, несколько загнутыми внутрь боками и перехватом у края, на невысокой кольцевой ножке. № 675, 1937 г., I участок, диаметр 30 см, высота 13 см, толщина 0,8 см.

Черепок серый, сравнительно тонкого строения. Глазурь прозрачная, зеленая, покрывает всю чашу внутри и на 1/3 снаружи. По краю глазурь лежит более толстым слоем, местами скопившись в виде капель, т. к. чаша обжигалась в перевернутом виде. Об этом же, кроме того, свидетельствуют имеющиеся на дне следы от трех шипов треугольной подставки, на которую опиралась чаша во время обжига. Внутри чаши изображена, исполненная гравировкой, большая вписанная в круг, восьмилепестковая розетка. Пространство между лепестками и кругом заполнено растительными завитками. Лепестки розетки украшены сеткой. 12-й век.

Примечание: в Двине найдено несколько подставок для керамики, при этом размеры одной из них, № 485, 1937 г., соответствуют следам на дне рассмотренной чаши.

26. Чаша такой же формы, как и предыдущая, но меньшего размера. № 262, 1937 г., I участок, высота 8 см, диаметр 18,5, толщина 0,6—0,7 см.

Черепок светлый, серо-коричневый, сравнительно тонкого строения. Глазурь такая же, как у № 25. Рисунок гравирован по ангобу. Изображена большая восьмилепестковая розетка, такого же вида, как на № 25. Чаша также обжигалась в перевернутом виде, о чем свидетельствуют следы от треугольных подставок на дне. 12-й век.

27. Кувшин яйцевидной формы с ручкой, на невысокой кольцевой ножке, с узким горлом и расширенным, но сжатым с боков и скрепленным полукруглым кусочком глины зевом.

№ 71, 1946 г., I участок, высота 35 см, высота горла 12 см, высота ручки 15 см, диаметр ножки 12 см (рис. 10 серед.). Черепок с желтизной, глазурь зеленая. Украшен гравировкой. У основания горла два ряда зигзагов и ряд вертикальных черточек. Плечи сосуда и нижняя часть тулова опоясаны каймой из двух гравированных линий. На ручке ряд небольших круглых рельефных шишечек. Глазурь местами отскочила вместе с ангобом. 11—12 века.

28. Кувшин с почти цилиндрическим, слегка расширяющимся кверху туловом, цилиндрическим горлом и ручкой, на невысокой кольцевой ножке. № 116, 1949 г., I участок, высота 31 см, высота горла 10 см, диаметр тулова наверху 17 см, внизу 15 см, диаметр ножки 10 см.

Черепок, как у предыдущих, глазурь нечистого зеленого цвета, так как лежит, возможно, прямо на черепке без ангоба. Часть горла и ножка, глазурию не покрыты. Украшен гравировкой—по тулову ромбы с растительными завитками, по середине, на плечах,—геометрический орнамент из двух рядов сксбок. 12-й век.

29. Фрагмент от верхней части кувшина с шаровидным туловом, узким высоким горлом, с расширенным зевом, длинным, прямым, в виде трубочки, носиком, ручкой и шишкой между носиком и горлом. № 142, 1946 г., I участок. Высота горла 9 см, высота носика 6 см, диаметр тулова 20 см.

Черепок обычный для керамики Двина. Глазурь зеленая, лежит, возможно, прямо на черепке. Украшен гравировкой. По тулову, обычные для армянской керамики, завитки, расположенные между крыльями «вертушки», как у № 22. 12-й век.

30. Фрагмент небольшого кувшина, с отверстием посередине в виде русских квасников 18-го века, с двумя ручками. № 142, 1946 г., I участок, высота 9 см, диаметр средней части 6 см. Черепок желтовато-красный, глазурь зеленая, красивого тона. 11—12 век.

31. Ваза с широким туловом, как бы составленным из горшка открытой формы внизу и перевернутой неглубокой округлой чаши наверху; с невысоким, широким горлом. № 122, 1949 г., I участок, высота 24 см, диаметр 22 см, диаметр горла 11 см, диаметр ножки 10 см.

Черепок, как у предыдущих, глазурь густого зеленого тона лежит поверх ангоба и покрывает всю вазу как снаружи, так и внутри, кроме донышка. На плечах вазы гравирован орнамент из изогнутых переплетающихся лент. Сохранилась на 7/8. 11—12 века.

32. Ваза большая с яйцевидным туловом и широким, высоким, цилиндрическим горлом, на слабо выраженной ножке без кольца. № 127, 1948 г., I участок, высота 41 см, высота горла 10 см, диаметр тулова 24 см, диаметр горла 12 см, диаметр основания 15 см. Черепок и глазурь, как у № 30, горло и плечи украшены гравированными горизонтальными линиями. Сохранилась почти вся. 11—12 века.

33. Ваза яйцевидной формы, с невысоким широким, расширенным горлом и шестью ручками: три больших вертикальных, протянутых от плечей вазы к горлу и три малых горизонтальных на плечах вазы. № 117, 1949 г., I участок, высота вазы без ножки 23 см, диаметр тулова 19 см, диаметр горла 9 см.

Черепок обычный для Двина, серый с желтизной. Глазурь зеленая, покрывает всю вазу снаружи, внутри бесцветная. Глазурь имеет хорошо видимые трещинки, лежит неровно, с подтеками, видны вертикальные, более темные полосы. Сохранилась на 7/8. 11—12 века.

34. Кувшин такой же формы, как № 27, но меньшего размера. № 444, 1946 г., I участок, высота 17 см, диаметр тулова 10 см. Черепок светлый, несколько более твердый, чем у прочих простых поливных изделий, по шкале Мосса 4—5. Глазурь голубая, местами переходящая в зеленый цвет, лежит неровно и во время обжига значительно стекла к ножке, образовав капли. Последние нарушили устойчивость, что является явным браком и служит доказательством местного происхождения.

35. Чаша с округлыми загнутыми внутрь боками и захватом у края, на низкой кольцевой ножке. № 180, 1946 г., I участок, высота 8 см, диаметр 21 см, диаметр ножки 8 см (рис. 11).

Черепок сравнительно тонкого строения, красноватый. Глазурь бесцветная, слегка зеленоватая, покрывает чашу внутри. Снаружи, верхняя часть вазы покрыта зеленой гла-

зурью. Украшена гравировкой и соскабливанием ангоба. На дне помещена большая шестилепестковая розетка с растительными завитками внутри лепестков. Такие же завитки помещены между кругом, в который вписана розетка с лепестками. Вокруг розетки кайма непрерывно выходящегося орнамента, сложного и нечеткого очертания. Никакой раскраски и расцветки нет. Сохранилась почти целиком. 12 век.

Примечание: эту чашу по технике украшения следовало бы рассматривать раньше, но так как форма и орнаментация, растительные завитки и сложный, непрерывно выходящийся орнамент не позволяют датировать ее ранее 12-го века, мы помещаем ее описание здесь. Эта чаша является примером живучести старых способов украшений, никогда полностью не вытесняемых новыми.

36. Чаша с мало округлыми, почти конусовидными боками и отвесным бортиком на кольцевой ножке. № 121, 1948 г., I участок, высота 7 см, диаметр 18 см (рис. 12).

Черепок сравнительно тонкого строения, желтовато-красный. Глазурь бесцветная, покрывает чашу внутри и частично снаружи—по борту. Орнаментация гравирована по ангобу. Изображены радиально расположенные двойные петли с зигзагом посередине. На донышке те же петли образуют крест. Петли окрашены попеременно в зеленый и желтый цвета. Между ними фиолетовые полосы. По краю чаши ряд фиолетовых пятен. Сохранилась на 7/8. 11-й век.

Примечание: таким же узором украшены чаши: № 228, 1949 г., I участок, петли в один ряд; № 326, 1946 г., I участок, петли расположены в 3 ряда и другие.

37. Чаша с конусовидными боками под углом отходящими от плоского донышка, на низкой кольцевой ножке. № 39, 1939 г., I участок, высота 9 см, диаметр 27,5 см.

Черепок серый, розоватый: глазурь бесцветная, слегка желтоватая, блестящая. Чаша покрыта ангобом. По ангобу гравирован большой стилизованный цветок с семью круглыми и семью острыми лепестками, заполняющий всю внутреннюю поверхность чаши. Внутри круглых лепестков помещены овалы с сетчатым орнаментом. Свободное пространство между цветком и краем чаши занято тремя рядами волнистых линий.

Раскраска небрежная и почти совсем несогласована с рисунком. Краски расплылись и набегают друг на друга. Края лепестков оттенены зеленой краской, диски внутри круглых лепестков и борт покрыты желто-коричневой, выше же дисков тянутся небрежные ряды темнофиолетовых пятен. Сохранилась почти вся. 12-й век.

38. Чаша с округлыми боками и почти отвестным бортом, на невысокой каблучной ножке. № 314, 1946 г., I участок, высота 8,5 см, диаметр 21 см (рис. № 13). Черепок этой чаши отличается от прочей простой поливной посуды Двина, он более ярко окрашен в красный цвет. Глазурь прозрачная, с слабозеленоватым оттенком, покрывает чашу внутри и лежит по ангобу. Снаружи чаша ангобирована, но глазурью не покрыта. Расписана чаша, как обычно, тремя красками: фиолетовой, коричнево-желтой и зеленой. В центре чаши изображен аист со змеей в клюве. Тело аиста желтое, ноги вверх зеленые, внизу—желтые. По сторонам аиста, у борта, растительные побеги, светлые на зеленом фоне. Зеленое поле ограничено закругленными линиями, отделяющими его от неокрашенного пространства вокруг аиста. Вокруг последнего фиолетовые точки, сгруппированные по три. Сохранилась на 3/4. Начало 12 века.

Примечание: чаша является единственным найденным в Двине экземпляром расписной гравированной керамики с изображением зверей и птиц.

В. Белоглиняная керамика (фаянсы)

Украшенная тиснением, гравировкой, ажуром и люстром, покрытая бесцветными и цветными глазурями, с мягким черепком.

Керамика с настолько белым черепком, что маскировка его ангобом излишня, украшенная тиснением, гравировкой и своеобразным ажуром, из просверленных небольших дырочек, затолненных прозрачной, бесцветной, синей, голубой или фиолетовой глазурью, впервые в Армении была обнаружена при раскопках города Ани в колодцах дворца Багратидов. По месту находки она датируется первой половиной 11-го века, а по характеру черепка, тонкого и очень мягкого, по устройству

ножки и по орнаментации эта керамика принадлежит местному производству, так как близко стоящие к ней, по технике украшения, иранские изделия по всем перечисленным признакам, значительно от нее отличаются. В Двине, до раскопок 1946 года, были обнаружены незначительные фрагменты этих изделий. В 1946 году же было найдено несколько прекрасных образцов фаянсов с белым мягким черепком, украшенных гравировкой и ажуром, и в дальнейшем, с каждой археологической кампанией, коллекция этой керамики обогащается. До 1946 года, на основании найденных в Ани образцов, в большинстве небольших чаш с округлыми боками 17,5—18,5 см в диаметре, считалось, что эта керамика производилась в одном керамическом центре Армении, в каком точно—было неизвестно. Теперь же это мнение приходится оставить, так как фаянсы, найденные в Двине, несмотря на свое сходство с анийскими, все же настолько от них отличаются, что им нельзя приписать общее происхождение и, следовательно, в Армении был не один, а два центра производства этих фаянсов. Прежде всего, черепок двинских экземпляров плотнее и тверже анийских изделий этого вида. У большинства двинских твердость превышает анийскую на один номер шкалы. Кроме того, розоватость черепка у большинства фаянсов Двина сильнее выражена, чем на анийских и у некоторых очень похожа на розовый, из-за примеси селена, черепок недообожженных современных армянских фаянсов, № 43. Формы и размеры небольших скруглых чаш, те же, что и в Ани. В Двине высота колеблется от 6 до 7,5 см, диаметр же от 17,5 до 19,5 см, разница вполне естественная при ручной формовке изделий. Орнаментация близка к анийской, те же гравированные фризы, украшающие внутренность чаш, но при внимательном изучении обнаруживаются отличия, доказывающие происхождение двинских экземпляров из других керамических мастерских. Остановимся на них подробнее. Прежде всего, двинские изделия рассматриваемого вида, также, как и анийские, украшались двумя узорами, встречающимися лишь на армянской керамике. А

* См. мою вышеуказанную статью „Художественно-керамическая промышленность средневековой Армении“, стр. 16—20. В статье подробнее изложены отличия армянских фаянсов.

именно: большой, вписанный круг розеткой, о которой уже говорилось в главе об ангобированной керамике, и так называемым калачевидным узором, состоящим из ряда, образующих кайму, несколько приплюснутых дисков с овалами, помещенным внутри, но не в середине, а в верхней части. Эти фигуры напоминают калачи, почему и узор, еще со времени анийских раскопок, получил это название. Исполнялся он тиснением, при этом вдавливались овалы внутри фигур и пространство между ними и концентрическими кругами, ограничивающими кайму. Сами фигуры оставались плоскорельефными. Углубленные места, обычно украшались гравированными по сырцу завитками и беспорядочно разбросанными небольшими дырочками, заполненными прозрачной глазурью — ажуром. На анийских фаянсах внутренние овалы всегда сдвинуты вверх, иногда настолько близко к верхнему краю дисков, что получаются фигуры, напоминающие полумесяцы. Последнее могло навести на мысль, что этот узор произошел из каймы с рядом расположенных полумесяцев, но двинские фаянсы, украшенные орнаментом этого вида, вынуждают нас отказаться от этой мысли. В отличие от Ани, на двинских изделиях мы встречаем узор также выполненный тиснением с гравировкой и ажуром на вдавленных более тонкостенных местах, но с расположенными в середине внутренними овалами, № № 40, 45. Этот орнамент похож на калачевидный, хотя так называть его можно лишь с оговоркой. Он является переходным, от дискового, также представленного в Двине, № 50, к калачевидному, что в свою очередь говорит о происхождении последнего от первого. Как мы уже говорили, рассматриваемый узор является чисто армянским. Действительно, в богатейшей литературе по передневносточной керамике, мы совершенно не встречаем предметов с калачевидным узором. Лишь на одной среднеазиатской чаше из собрания Оскара Рафаэля* мы видим близкие фигуры. Но сходство здесь небольшое: во-первых, сами фигуры имеют более правильную дисковидную форму, и, во-вторых, что особенно важно, они не образуют каймы. Последнее резко меняет весь характер орнамента и, повидимому,

* An Illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art, London, 1931, стр. 53; a Survey of Persian Art, London, 1939, 561 B.

сходство фигур с армянскими случайно и не находится в какой-либо связи. Если на среднеазиатской чаше мы видим сходные фигуры при совершенно ином расположении, то на керамике, украшенной гравировкой по ангобу, из Старой Гянджи встречается фризový орнамент с рядом овалов, но с ромбами посередине*. Здесь сходство в расположении, сами же фигуры имеют мало общего. Во всяком случае орнамент на керамике Старой Гянджи ближе к армянскому, чем среднеазиатский, и он, вероятно, является его вариантом. Кроме этих двух примеров нам не удалось найти даже такого отдаленного сходства в орнаментации всей средневековой керамики Переднего Востока, включая Закавказье. Это дает нам основание керамику с калачевидным узором определять как армянскую.

Большая розетка двинских фаянсов по основному рисунку, такая же, что и на изделиях Ани. Но в деталях она все же от них отличается, что указывает на происхождение из других, хотя и родственных мастерских. Так, например, фигуры, заполняющие верхнюю часть лепестков в Двине, не такие, как в Ани. На одной из чаш с восьмилепестковой розеткой мы видим внутри лепестков вдавленные круги с тремя столбиками, № 42, на другой, покрытой фиолетовой глазурью, — удлиненные фигуры с волнистыми краями, № 54, оба узора в Ани не встречаются.

Наконец, двинские фаянсы этого вида украшались орнаментами вполне самостоятельными, не имеющими в Ани даже близких аналогий. К ним относится: кайма из ряда под углом расположенных ланцеток, № 44 и № 51 (рис. 14 и 15); небольшие ламбрикены, украшающие края чаш, № 47; и двойные перекрещенные зигзаги, № 43; и наконец, фриз из ряда стилизованных птиц, № 53. Следовательно, орнаментация мягких двинских фаянсов, украшенных тиснением, гравировкой и ажуром, вместе с характером черепка, указывает на то, что двинские экземпляры производились не в одних и тех же с анийскими мастерских. С другой стороны, орнаментация, черепок и форма этих фаянсов как анийских, так и двинских, гово-

* В. И. Левиатов. „Керамика Старой Гянджи“, Баку, 1940, рис. 26.

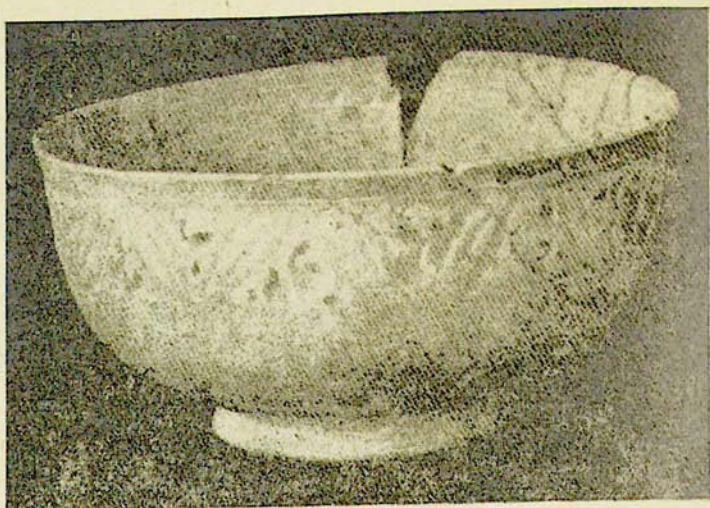

Рис. 14.

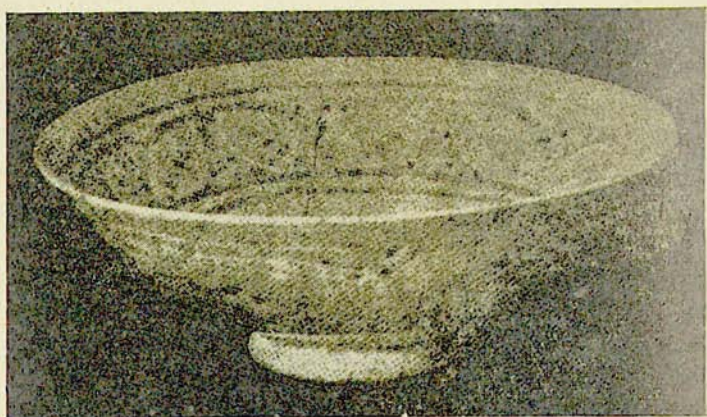

Рис. 15.

рят об их армянском происхождении*. В каком же керамическом центре они производились? Для изделий, найденных в Двине, этот вопрос решается легко, так как две чаши, голубая, № 48 и синяя, № 53, были пережжены в печи, отчего глазурь стекла на дно, скопившись толстым, неровным слоем, оставив бока предметов почти без глазури. Эти, явно бракованные изделия не только не могли служить товаром для внешней торговли, но вряд ли находили сбыт и на внутреннем рынке. Следовательно, обе пережженные чаши, а вместе с ними и прочие подобные им изделия, были изготовлены в самом городе Двине. Таких прямых доказательств для керамики из Ани мы не имеем, но, во всяком случае, она могла быть сделана лишь в самом Ани, или где-либо поблизости от него, иначе было бы непонятно, почему ввозили в Ани эту керамику не из Двина, а из другого, дальше его расположенного, центра.

Не задерживаясь на описании иранских фаянсов этого вида, хранящихся в Историческом музее Еревана (собрание Малаяна, № 1, 30), описанных мною в статье о средневековой керамике Ближнего и Дальнего Востока, перейдем к обзору немногочисленных предметов этой техники украшения, хранящихся в европейских собраниях, местопроисхождения которых в точности неизвестно. Ривьер воспроизводит два предмета предположительно, происходящие из Сирии, кувшин и чашу**, с белым черепком и беспорядочным ажуром того же вида, как и на армянских. Оба предмета настолько отличаются от последних стилем своей рельефной орнаментацией, что для них кавказское происхождение исключено. В описанном Кюнелем собрании Оскара Скаллера имеется 4 чаши с гравировкой и ажуром, судя по описанию того же характера, но ввиду краткости текста и отсутствия фото, сравнивать эти предметы с армянскими невозможно***. Пезар в своем капитальном труде о ранней мусульманской керамике, воспроизводит две чаши с гравировкой и ажуром, покрытые безцветной гла-

* Причины, исключаяющие иранское происхождение найденных в Армении мягких фаянсов, изложены в моей статье „Средневековая керамика Ближнего и Дальнего Востока“. Изв. Армянского фил. Академии наук СССР, 1942, № 6, стр. 6—7.

** Henri Bivière, *La céramique dans l'art musulman*, Paris, 1913, табл. 16 и 30

*** E. Kühnel, *Sammlung Oskar Skallor*, Berlin, 1927, №№ 77, 78, 79 и 89.

зурью*. Ажур у них того же характера, черепок белый, орнамент же на армянских фаянсах не встречается. Ножка, судя по описанию, близка по форме к иранским образцам этого вида, хранящимся в Историческом музее в Ереване и в Историческом музее в Баку (№ № 160, 188 и 535)**. Судить о твердости черепка, изданных Пезаром экземпляров, нельзя, так как определения не производились. Наконец, интересна чаша Британского музея, изданная Хобсоном в путеводителе по мусульманской керамике***. Эта, сравнительно хорошо сохранившаяся, чаша белоглиняной керамики, покрытая синей прозрачной глазурью. Внутри чаши по борту тянется, исполненная гравировкой, кайма, разбитая поперечными линиями на шесть сегментов. В каждом—изображена веточка. Вокруг веточек беспрядочно разбросаны просвечивающие точки. По ажuru, форме—чаша с округлыми боками, размеру—диаметр равен 19 см, и по фризовому орнаменту эта чаша очень близко подходит к армянским. Автор относит ее к Рею, хотя документальных данных нет. Возможно, что Хобсон, не зная анийских и двинских изделий этого вида, ошибается. К сожалению, по описанию нельзя установить ни формы ножки, ни твердости черепка. Поэтому решить вопрос о том, армянского ли она происхождения или иранского, мы не можем, хотя первое вполне возможно.

По месту находки в Ани, как мы уже упоминали, керамика этого вида датируется первой половиной 11-го века. Но изделия, найденные в колодцах дворца Багратидов, не обязательно должны относиться к этому времени. Середина 11-го века является лишь пределом молодости, более же раннее происхождение вполне возможно. Найденная в этих колодцах китайская фарфоровая чаша, аналогичная дальневосточным изделиям Самарры, датируемая же не позднее 10-го века****. Сле-

* Maurice Pézard. La céramique archaïque de l'islam et ses origines, Paris, 1920, табл. 39, №№ 1 и 2.

** Возможно, что в настоящее время эти фаянсы находятся в музее Низами.

*** R. Hobson, A Guide to the Islamic Pottery of the Near East British Museum, London, 1932, рис. 23.

**** Издана мной в вышеуказанной статье о керамике Переднего и Дальнего Востока, стр. 25, рис. 15.

довательно, датируя мягкие фаянсы с тиснением, гравировкой и ажуром первой половиной 11-го века, временем более всего вероятным, мы все же не можем поручиться, что если и не все, то часть этих изделий была изготовлена раньше этого времени, еще в 10-м столетии, так как их орнаментация, из сравнительно нешироких фризов, не заполняющих всей поверхности предметов, этому не противоречит. Но если столь ранняя датировка возможна для изделий с гравировкой и ажуром, то она исключена для фаянсов, расписанных люстром, хотя последние по черенку и форме следует относить к тому же производству.

Люстрованные фаянсы этого вида, расписанные коричневым люстром по синей и, в редких случаях, голубой глазури, стилистические не могут быть отнесены к 10-му столетию. Их густая орнаментация, заполняющая все свободное пространство спиралевидными завитками, указывает на 11-е столетие. В Двине найдено несколько сравнительно хорошо сохранившихся экземпляров мягких фаянсов с росписью люстром. К сожалению, последний, вероятно из-за не вполне еще усвоенной техники люстрования и недостаточной контрастности, темный люстр на темносиней глазури не отчетливо виден, что затрудняет определить орнаментацию. На одной чаше, в силуэтной манере, изображена сидящая женщина, № 56. На двух других—фантастические существа сири и птицы с львиными мордами, № № 57, 58 (рис. 16). Все свободное пространство вокруг этих изображений занято закругленными завитками, похожими на небрежные спирали. Фрагменты близких фаянсов найдены в Ани (№ № 769, 779, Исторический музей, Ереван). Они имеют близкий черепок, хотя скорее сероватый, чем розоватый, похожую синюю глазурь и близкую роспись темно-коричневым люстром. У них также, как и на двинских, № № 57, 58, глазурь лицевой поверхности синяя, обратная же сторона покрыта более светлой голубоватой глазурью, нечистого тона. Все же решить на основании этого сходства вопрос о том к каким мастерским относятся анийские предметы мы не можем, тем более, что сравнивать форму небольших чаш Двина с анийскими фрагментами нельзя. Похожие по глазури и росписи альборелла, судя по воспроизведению, изданы Зарре в

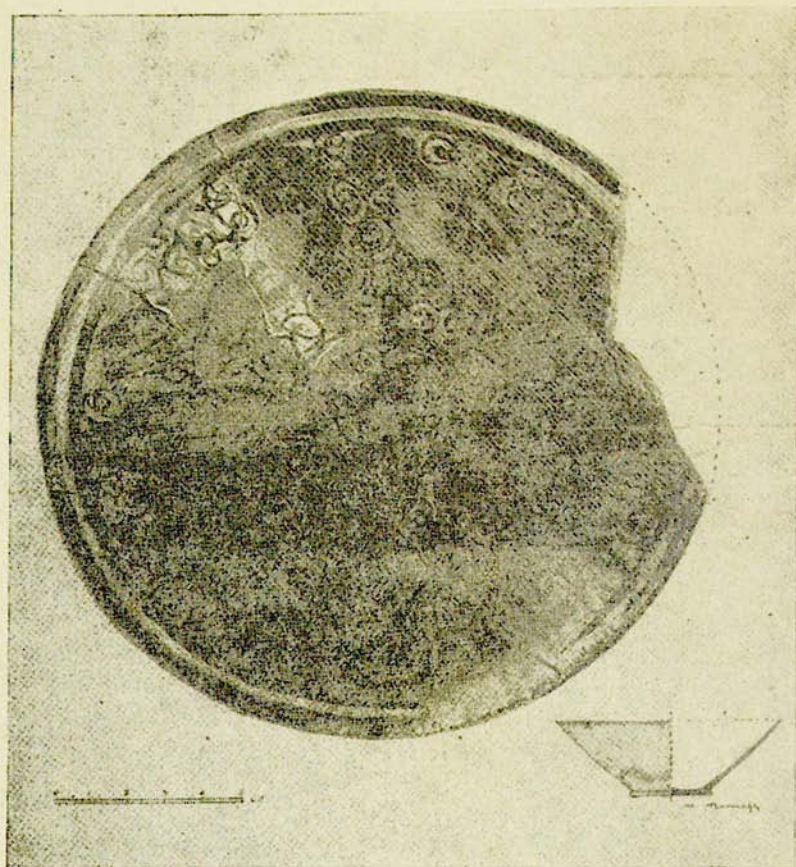

Рис. 16.

каталоге Мюнхенской выставки. Они происходят, по предположению, из Сирии*.

Все вышеперечисленные люстрованные фаянсы, похожи друг на друга по спиралевидным завиткам, заполняющим свободное пространство. Это стилистическое сходство и общность техники украшения исключают возможность одновременного изготовления, и раз двинские, по сходству черепка и формы с фаянсами, украшенными гравировкой и ажуром, следует датировать тем же, как последние, временем, т. е. 11-м веком, то и анийские и описанные Зарре люстрованные изделия этого вида нужно относить к тому же времени. Последнее важно потому, что датировка этих изделий до двинских раскопок была спорна и они многими авторами датируются значительно более поздним временем, 13-м и даже 14-м столетием. К этому времени относят их Зарре и Мартин, авторы каталога Мюнхенской выставки.

Из факта производства люстрованных фаянсов с синей глазурью в Двине, учитывая то обстоятельство, что не только в Ани, но и в других местах раскопок Закавказья находят похожие изделия этого вида, возникает мысль, не относятся ли приписываемые Сирии экземпляры к мастерским, расположенным гораздо восточнее Сирии, в районе Закавказья или поблизости от него. Положительно ответить на этот вопрос мы, пока в Закавказье не будут найдены близкие к «сирийским» альборелла, не можем.

В заключение остановимся на замечательной люстрованной чаше Двина, расписанной темным, почти черным люстром по красивой голубой глазури, № 59 (рис. 17). Эта чаша по черепку и форме настолько близка к предыдущим, что общее происхождение не вызывает сомнений, но технически она значительно лучше нарисована и узор вышел на ней четче уже потому, что люстр взят более темный, глазурь же, наоборот, светлее и ярче. На ней изображен сирий по характеру лица очень сильно отличающийся от сирина анийской люстрованной чаши (№ 776, Исторический музей, Ереван)**.

* F. Sazne und F. Martin. Die Ausstellung von Meisterwerken Muhamedanischer Kunst in München, 1910, 1912, табл. 93, №№ 1070 и 1071.

** Чаша издана мной в вышеуказанной статье „Художественная керамическая промышленность средневековой Армении, стр. 21, рис. 9.

противоположность анийскому, круглое, глаза узкие, нос и рот маленькие. В целом сирин двинской чаши очень близок к иранским изображениям, при этом не на ранних фаянсах 9—10 веков, а на изделиях 12-го столетия. В отличие от двинских люстрованных фаянсов с синей глазурью, свободное пространство вокруг изображения занято на этой чаше не спиралевид-

Рис. 17.

ными завитками, а растительными побегами с круглыми листочками. Более совершенная техника росписи люстром, монгольский тип лица у сириня и растительный орнамент, сеткой, покрывающей свободное пространство, вынуждают нас датировать эту чашу более поздним временем, концом 11-го началом 12-го века. При этом нужно сознаться, что если бы не сходство черепка и тождество формы с ранее описанными фаянсами, с гравировкой и росписью люстром, непозволяющее слишком отодвигать от них время производства, мы бы датировали ее 12-м веком.

Бесцветная глазурь

39. Чаша глубокая с почти цилиндрическими боками, округлыми в нижней части, на невысокой кольцевой ножке. № 477, 1946 г., I участок, высота 12,5 см, диаметр 16,5 см, диаметр ножки 7 см.

Черепок сероватый, тонкого строения, мягкий, твердость по шкале Мосса между вторым и третьим минераллом. Глазурь бесцветная, слегка зеленоватая, в местах скопления, с кракелюрами. От лежания в земле глазурь разложилась и местами окрашена в желтоватый цвет. Покрывает она всю чашу кроме ножки. Чаша украшена тиснением, гравировкой и ажуром. С внешней стороны она опоясана каймой из ряда плоско-рельефных фигур, напоминающих калачи, как на фаянсах, найденных в Ани. Эти фигуры выполнены тиснением. Вдавленные места заполнены гравированными завитками и маленькими, заполненными бесцветной глазурью, дырочками. Около края чаши, выше калачевидного узора, тянется кайма из разъединенных завитков, образующих непрерывный волнистый узор. Снаружи и внутри поверхность оживлена разбросанными синими пятнами. Сохранилась на 7/8. 11-й век.

40. Чаша с округлыми боками на невысокой кольцевой ножке. № 249, 1949 г., I участок, высота 6 см, диаметр 18 см.

Черепок белый с розоватостью, твердость 2—3. Глазурь бесцветная, покрывает всю чашу кроме ножки. Украшена тиснением, гравировкой, ажуром и беспорядочными синими пятнами. По борту внутри чаши тянется кайма «калачевидного узора», отличающегося от анийского тем, что вдавленные внутри фигур малые овалы расположены в центре, а не придвинуты к верхнему краю. Поэтому, в данном случае, фигуры на калачи не похожи и этот орнамент является переходным от дискового к калачевидному. Вдавленное пространство между дисками и концентрическими кругами, ограничивающими кайму, заполнено сгруппированными по три, прозрачными точками. Сохранилась наполовину. 11-й век.

41. Чаша с округлыми боками на низкой кольцевой ножке (форма анийских чаш этой техники украшения). № 420, 1946 г., I участок, высота 6,5 см, диаметр 17,5 см.

Черепок белый с небольшой розоватостью, мягкий, твердость 2—3. Глазурь снаружи бесцветная, внутри синяя. Украшена тиснением, гравировкой по сырцу и ажуром. На дне большая, вписанная в круг, пятилепестковая розетка. Внутри, в верхней части лепестков, вдавленные диски с просвечивающими маленькими отверстиями. Сохранилась на 7/8. 11-й век.

42. Чаша с округлыми боками на невысокой кольцевой ножке. № 248, 1949 г., I участок, высота 6,5 см, диаметр 18,5 см.

Черепок белый с розоватостью, твердость 2—3. Глазурь бесцветная, слегка зеленоватая с кракелюрами, покрывает всю чашу кроме ножки. Украшена тиснением, гравировкой и ажуром. Внутри чаши изображена большая, вписанная в круг, восьмилепестковая розетка. Между кругом и лепестками гравированные завитки и прозрачные точки. Внутри лепестков вдавленные диски с тремя листиками в центре. Кругом них прозрачные точки. Сохранилась наполовину. 11-й век.

43. Чаша с округлыми боками на невысокой кольцевой ножке. № 16, 1949 г., I участок, высота 7 см, диаметр 19 см.

Черепок белый с розоватостью тонкого строения, твердость 3—4. Глазурь бесцветная, покрывает всю чашу кроме ножки. Украшена тиснением и ажуром. Внутри по бокам чаши тянется широкая кайма с рельефным геометрическим орнаментом, выполненным тиснением. Узор состоит из двух рельефных перекрещенных зигзагов. Вдавленное пространство внутри зигзагов и между ними и ограничивающими кайму концентрическими кругами, украшено прозрачными точками. Поверхность чаши, ввиду розоватости черепка, имеет приятный светлорозовый цвет, напоминающий окраску современных армянских фаянсов, которые из-за примеси селена в глине имеют, при недостаточном обжиге, такую же окраску. 11-й век.

Голубая глазурь

44. Чаша с округлыми боками на кольцевой ножке. Более глубокая, чем № № 40—43, форма является переходной к глубокой чаше № 39. № 413, 1946 г., I участок, высота 9,5 см, диаметр 19,5 см, высота ножки 1 см, диаметр ножки 9 см.

Черепок белый, твердость 2—3 (рис. 14). Глазурь голубая,

покрывает всю чашу кроме ножки. Чаша с внешней стороны украшена тиснением, гравировкой и ажуром. По борту тянется кайма из ряда расположенных под углом друг к другу ланцеток, внутри которых гравированы черточки. Вдавленное пространство между ланцетками и concentрическими кругами, ограничивающими кайму, заполнено прозрачными точками. 11-й век.

45. Чаша с округлыми боками на низкой кольцевой ножке. № 250, 1949 г., I участок, высота 6 см, диаметр 18 см.

Черепок белый с розоватостью, твердость около 3. Глазурь голубая, покрывает всю чашу кроме ножки. Техника украшения та же, что у предыдущей. Изображена кайма калачевидного узора того же вида, как у № 40. Внутренние диски и здесь помещены в центре, что отличает орнамент этой чаши от анийских. Внутри маленьких овалов и между калачевидными фигурами и concentрическими кругами разбросаны прозрачные точки. Сохранилась почти вся. 11-й век.

46. Чаша глубокая, с почти отвесными боками в нижней части округлыми, на невысокой каблучной ножке. № 261, 1949 г., I участок, высота 10,5 см, диаметр 18,5 см.

Черепок белый с розоватостью, твердость 3—4. Глазурь голубая, покрывает всю чашу кроме ножки, украшена тиснением и гравировкой. С внешней стороны бока чаши опоясаны каймой, разбитой вертикальными делениями на отдельные участки с изображением фигур, похожих на цифру 2. Сохранилась почти вся. 11-й век.

47. Чаша с округлыми боками на невысокой кольцевой ножке. № 434, 1946 г., I участок, высота 6,5 см, диаметр 18 см, толщина стенок 0,2—0,3 см.

Черепок и глазурь, как у предыдущей. Украшена гравировкой и ажуром. У края расположено пять дуг—ламбрикенов, пространство внутри которых заполнено завитками и просвечивающими точками. Сохранилась на 2/3. 11-й век.

48. Чаша с округлыми боками на низкой кольцевой ножке. № 454, 1946 г., I участок, высота 6 см, диаметр 19,5 см, высота ножки 0,6 см, диаметр ножки 7 см.

Черепок белый с сероватостью, твердость около 5. Глазурь голубая, покрывает всю чашу, она сильно стекла вниз, запол-

нив толстым слоем донышко, снаружи же скопившись на ножке каплями. Бока чаши покрыты лишь тонким слоем оставшейся глазури. Это явный производственный брак. 11-й век.

Примечание: вследствие пережога в печи легкоплавкая глазурь не удержалась на стенках чаши.

Синяя глазурь

49. Чаша с округлыми боками на низкой кольцевой ножке. № 432, 1946 г., I участок, высота 6,5 см, диаметр 17,5 см, диаметр ножки 6 см.

Черепок белый, твердость 3—4. Глазурь синяя, по цвету близкая к синим анийским чашам; украшена гравировкой и ажуром. Внутри чаши по борту тянется кайма непрерывно выщегося орнамента, по сторонам которого просвечивающие точки. Последние плохо удались и почти не видны. Сохранилась на 3/4. 11-й век.

50. Чаша с округлыми боками на невысокой кольцевой ножке. № 433, 1946 г., I участок, высота 6,5 см, диаметр 18,5 см, диаметр ножки 6,5 см.

Черепок, как у предыдущей, глазурь синяя, такая же, украшена тиснением, гравировкой и ажуром. Внутри по борту тянется кайма из ряда дисков. Внутри дисков гравированы небольшие, косо расположенные черточки. Вдавленное пространство между дисками и концентрическими кругами, ограничивающими кайму, украшено гравированными завитками и прозрачными точками. Сохранилась на 3/4. 11-й век.

51. Чаша с округлыми боками на невысокой кольцевой ножке. № 185, 1949 г., I участок, высота 6,5 см, диаметр 18 см, высота ножки 0,7 см, диаметр ножки 6,5 см (рис. 15).

Черепок белый, твердость 3—4. Глазурь синяя, как у предыдущих, покрывает всю чашу внутри и снаружи кроме кольцевой ножки. Тиснением исполнена кайма из плоско-рельефных, расположенных под углом друг к другу, ланцеток, как на голубой чаше № 44, вдавленное пространство между ограничивающими кайму концентрическими кругами и ланцетками заполнено просвечивающими точками. Сохранилась почти вся. 11-й век.

52. Фрагмент чаши с округлыми боками на невысокой кольцевой ножке. № 191, 1949 г., I участок, высота 6,5 см, диаметр 17,5 см.

Черепок белый с розоватостью, твердость 3—4. Глазурь синяя, как у предыдущих, покрывает всю чашу кроме ножки, украшена тиснением, гравировкой и ажуром. Внутри чаши кайма, разбитая радиальными фигурными линиями на сегменты, с растительными завитками. Вокруг завитков вдавленное пространство заполнено гравированными спиралями и просвечивающимися точками. 11-й век.

53. Чаша с округлыми боками, на невысокой каблучной ножке, с вдавленным доньшком. № 491, 1946 г., I участок, высота 7,5 см, диаметр 18 см, высота ножки 0,5 см, диаметр дна 7,5 см и толщина 0,4 см.

Черепок, как у предыдущей, глазурь синяя такая же, покрывает всю чашу внутри и на 2/3 снаружи. Глазурь из-за пережога сильно стекла вниз, образовав на дне чаши толстый наплыв, снаружи она скопилась валиком. Украшена тиснением и гравировкой. Внутри широкая, ограниченная концентрическими кругами, кайма с изображением плоскорельефных стилизованных птиц. 11-й век.

Примечание: чаша является производственным браком, который не мог служить для экспортной торговли.

Фиолетовая глазурь

54. Чаша с округлыми боками, на невысокой кольцевой ножке. № 251, 1949 г., I участок, высота 7 см, диаметр 18 см.

Черепок белый с желтизной, твердость 2—3. Глазурь фиолетовая марганцевая, нечистого буроватого цвета. Украшена чаша тиснением, гравировкой и ажуром. Внутри изображена большая восьмилепестковая розетка. Лепестки украшены удлинненными фигурами неопределенной формы. Вдавленное пространство между лепестками и кругом, в который вписана розетка, заполнено гравированными завитками и плохо удавшимся ажуром. Сохранилась на 7/8. 11-й век.

55. Фрагмент от края чаши такой же, как у предыдущей формы. № 252, 1949 г., I участок.

Черепок и глазурь, как у предыдущей, тиснением, грави-

ровкой и также, как на предыдущей, плохо удавшимся ажуром изображена кайма дискового орнамента с овальной выпуклостью внутри. Здесь этот узор, также как на № № 40 и 45, не похож на ряд калачей. 11-век.

Примечание: форма, черепок и плохо удавшийся ажур этого фрагмента настолько близки к предыдущей чаше, что их общее происхождение бесспорно.

*Изделия, покрытые прозрачной цветной глазурью
и расписанные люстром*

56. Чаша с округлыми боками на низкой каблучной ножке. № 174, 1947 г., I участок, высота 6 см, диаметр 19 см.

Черепок белый, слегка розоватый, очень похожий на черепок ранее рассмотренных гравированных фаянсов. Твердость 3—4. Синяя глазурь покрывает всю чашу внутри и на 3/4 снаружи. Внутри чаша расписана коричневым с красноватым люстром. На ней изображена сидящая женская фигура плохо и нечетко получившаяся. Свободное пространство вокруг фигуры занято спиралевидными завитками. 11-й век.

Примечание: эта чаша по форме, тем же размерам и характеру черепка настолько близка к описанным выше изделиям с гравировкой, тиснением и ажуром, что вероятно изготовлена в одних и тех же мастерских.

57. Чаша с округлыми боками на низкой кольцевой ножке. № 496, 1946 г., I участок, высота 7,5 см, диаметр 18 см (рис. 16).

Черепок, как у предыдущей, глазурь внутри такая же. Снаружи голубая, покрывает чашу на 3/4. Расписана таким же люстром. Изображены среди спиралевидных завитков две птицы с львиными мордами. 11-й век.

Примечание: на этой чаше рисунок получился нечетко, но все же яснее, чем на № 56.

58. Чаша с округлыми боками на невысокой каблучной ножке. № 177, 1949 г., I участок, высота 6 см, диаметр 18,5 см.

Черепок белый с розоватостью, твердость 3—4, такая же, как у чаши № 56. Глазурь синяя, покрывает всю чашу кроме

ножки, снаружи глазурь светлее и голубее. Расписана внутри серым люстром с серебристым отливом. У края чаши люстр красно-коричневый с красноватым отливом. Изображен сирий, по сторонам которого свободное пространство занято спиралевидными завитками. 11-й век.

Примечание: чаша отличается более светлым люстром. Возможно, что последнее произошло или от лежания в земле, или от случайности при обжиге.

59. Чаша с округлыми боками, на невысокой кольцевой ножке, № 169, 1946 г., I участок, высота 7,5 см, диаметр 19,5 см, высота ножки 0,5, диаметр ножки 8,5 см (рис. 17).

Черепок белый, слегка желтоватый, твердость 3—4. Глазурь голубая, покрывает всю чашу внутри и на 3/4 снаружи. Расписана черным люстром с синеватым, местами же красноватым отливом. Люстр нанесен очень тонким слоем. Изображен сирий. Лицо круглое, с узкими глазами, маленьким ртом и носом. Тип иранский. Вокруг сирина растительные побеги с мелкими круглыми лепестками. Слева небольшая птица, возможно воробей. Сохранилась на 9/10. Конец 11-го — начало 12-го века.

Г. Твердые и полупрозрачные фаянсы, украшенные гравировкой по сырцу и люстром

Твердые и полупрозрачные фаянсы, являющиеся высшим достижением фаянсовой техники, впервые были найдены в Ани. От фарфора они отличаются незначительной пористостью и несколько меньшей твердостью, не превышающей обычно седьмого минерала шкалы Мосса—кварца. В Ани было найдено лишь несколько образцов этих изделий и, поэтому, вопрос о месте производства остался неразрешенным. Было высказано лишь предположение о местном происхождении по сходству формы с анийскими мягкими фаянсами, украшенными гравировкой и ажуром*. Проще решается вопрос о датировке, поскольку полупрозрачные фаянсы были найдены в Ани вместе с мягкими фаянсами в колодцах дворца Баграти-

* Б. А. Шелковников, Статья „Художественная керамическая промышленность средневековой Армении“, стр. 22—23.

дов и, следовательно, их следует также датировать не позднее первой половины 11-го века.

Значительное количество изделий этого вида найдено в Двине. При этом по черепку они делятся на две разновидности: у одной черепок твердый, но не полупрозрачный (№ № 62, 63, 64, 65, 67), у других он еще тверже, на один номер шкалы, и полупрозрачен (№ № 61, 62); при этом у лучших образцов прозрачность не уступает фарфору. Остановимся на каждой разновидности в отдельности.

К полупрозрачным фаянсам Двина принадлежит несколько чаш, украшенных как гравировкой, так и люстром. По черепку двинские фаянсы этого вида совершенно однотипны с анийскими. Их белый, тонкого строения, полупрозрачный черепок настолько близок к настоящему фарфору, что на глаз его можно принять за последний. Лишь при исследовании твердости и пористости, как уже говорилось, оказывается, что мы имеем дело не с фарфором, а фаянсом. Китайский фарфор ввозился на Передний Восток еще с 9-го века, о чем свидетельствуют найденные в Самарре и Ани предметы*; местные мастера естественно стремились разгадать секрет производства дальневосточного фарфора. Если последнее им не удалось (так как все экземпляры, найденного на Кавказе фарфора и близких к нему по технологии селадонов, по свойству черепка, глазури и орнаментации дальневосточного происхождения), то в подражении этому драгоценному материалу они достигли блестящих результатов и в этом отношении опередили Европу на целых пять—шесть столетий**. Двинские полупрозрачные фаянсы, также как аналогичные им анийские, по форме и по размеру близки к раннее разобраным мягким. Украшались они гравировкой и рельефом. Одна из найденных в Двине чаш украшена с внешней стороны рельефными лепестками, так расположенными как будто чаша помещена внутрь большого цвет-

* В Самарре найдено несколько фрагментов небольших китайских фарфоровых чаш. По месту находки они датируются 9-м веком.

** Еще раньше, в 1907 г., в Ани был найден фарфор. Анийская фарфоровая чаша датируется по месту находки, 10-ым нач. 11-го века. Издана мной в вышеуказанной статье Ближнего и Дальнего Востока. стр. 25; рис. 15.

ка, судя по форме лепестков,—магнолии, № 60. Вторая чаша найденная в Двине не имеет рельефных украшений, но по ее внутренней поверхности тянется кайма непрерывно выходящегося орнамента, исполненная уверенной мастерской рукой в технике тончайшей гравировки, № 61. На дне этой чаши, с обратной стороны, на неглазурованном черепке написан зелено-бурый знак мастера ω . При сравнении этих чаш с анийским фрагментом (№ 768, Исторический музей, Ереван), обнаруживается поразительное сходство. С внешней стороны анийский фрагмент украшен теми же рельефными лепестками, как и чаша № 60, внутри же его по бокам тянется кайма непрерывно выходящегося орнамента, совершенно того же рисунка и той же техники, как на второй чаше Двина с знаком мастера, № 61. Это сходство говорит о том, что в противоположность мягким фаянсам полупрозрачные, найденные как в Двине, так и в Ани, изготавливались безусловно в одних и тех же мастерских. Помимо гравировки, полупрозрачные фаянсы Двина расписывались люстром. Роспись была силуэтная, небрежно исполненная. Очень интересно, что на маленькой чаше с примитивной росписью люстром, № 66, близкой по черепку и глазури к полупрозрачным фаянсам с гравировкой, имеются знаки мастера, написанные той же зеленобурой краской, в одной части такие же как и на чаше № 61, ω . Последнее окончательно убеждает нас, что изготовленные в одной и той же мастерской полупрозрачные фаянсы украшались иногда гравировкой, иногда же расписывались люстром. То же мы видели и при разборе, в предшествующем разделе, мягких фаянсов Двина; то же явление наблюдается и на керамике Ани. Найденная в Ани белая чаша мягкого фаянса с написанным люстром изображением сириня (№ 776, Исторический музей, Ереван)*, настолько близка по форме, глазури и черепку к анийской белой чаше с гравированными зигзагами (№ 771, Исторический музей, Ереван)**, что общее их происхождение не вызывает сомнений. Для двинских же полупрозрачных фаянсов последнее подтверждается еще общим знаком мастера. О датировке анийских

* Издана мною в вышеуказанной статье об армянской керамике, стр. 21—22, рис. 9.

** Издана там же, рис. 8.

полупрозрачных фаянсов мы уже говорили, изготовленные в тех же мастерских, двинские датируются тем же временем — не позднее первой половины 11-го века. Теперь лишь остается решить вопрос о месте производства. По сходству формы и близости размеров как ангийских, так и двинских полупрозрачных фаянсов с мягкими, местное производство которых доказано, приходится их также относить к армянскому производству, хотя прямых доказательств мы и не имеем. Помимо Закавказья полупрозрачные фаянсы находят в Иране. К сожалению, последним уделено чрезвычайно мало внимания в исследованиях по иранской керамике. О ранних полупрозрачных фаянсах говорится лишь вскользь в главах, посвященных как лэстерованным, так и ажурным полупрозрачным фаянсам 17-го и начала 18-го веков*. В таких богато иллюстрированных изданиях, как Пезар и Ривьер, нет ни одного воспроизведения ранних полупрозрачных фаянсов. Лишь в «Обзоре персидского искусства» помещено несколько фото этих изделий**. На таблице 589А изображена сбоку чаша собрания Барлоу, украшенная рельефными ребрами. Здесь хорошо видно, что чаша имеет иную, чем армянские, высокую кольцевую ножку и иную, несколько развернутую, форму бочков. На той же таблице изображено еще две чаши, но они сняты сверху и поэтому форма

* Карбоньер высказывает мысль о том, что полупрозрачные фаянсы были старинным производством Ирана, но время их изготовления он не указывает (Карбоньер, «Каталог предметов глиняного фаянсового и майоличного производства» С. Петербург, 1899, стр. 30). Кюнел считает, что приближением к китайскому фарфору являются белые, твердые, иногда полупрозрачные фаянсы. Датирует он кувшины с птичьей головой, Берлинского музея, 11-м веком, но не говорит имеет ли он полупрозрачный черепок или нет (Ernst Kühnel islamische Kleinkunst, Berlin, 1925, стр. 86). Хобсон подробно останавливается на полупрозрачных иранских фаянсах 16—17 веков, как расписанных лэстром и кобальтом, так и ажурных, но о ранних полупрозрачных изделиях ничего не говорит (R. Hobson, A Guide, London, 1932) Артур Пооп в главе, посвященной полупрозрачным фаянсам с ажуром, 17—18 вв. лишь упоминает о ранних изделиях этого вида и говорит, что не выяснено являются ли фаянсы нового времени продолжением производства средневековых или нет (A. Pope. The Ceramic Art in Islamic Times. A) The History, b, A. Survey of Persian Art, London, 1939).

** A. Survey... табл. № 589, A. B. C.

их плохо видна. Так как описания очень кратки, то составить мнение о том, насколько они близки к армянским—невозможно. Артур Пооп датирует их 10-м веком, что согласуется с датировкой полупрозрачных фаянсов Двина и Ани. Из этого обзора видно как мало уделено внимания этим изделиям, и решить вопрос об их происхождении было бы невозможно, если бы не раскопки в Ани и Двине, с одной стороны, и наличие в музеях Союза иранских ранних полупрозрачных фаянсов, с другой. В Баку в музее Низами имеется несколько образцов этих изделий, поступивших в Музей из Ирана. Это две небольшие чашечки (№ 204 и 209) и стакан (№ 215). Все они имеют такой же твердый черепок как армянские, но не столь белый. Отличается и глазурь, покрытая значительными трещинами и лежащая не столько ровным и тонким слоем. Форма их также иная. Все предметы имеют высокую кольцевую ножку типичную для иранских фаянсов. Форма чашечек музея Низами очень похожа на форму иранской чаши из собрания Барлоу. В техническом отношении все иранские образцы музея Низами стоят ниже анийских фрагментов и двинской чаши, № 61. Все это подтверждает наше предположение об армянском происхождении анийских и двинских полупрозрачных фаянсов. Теперь остается еще выяснить, где они производились: в Двине, в Ани или в каком-нибудь другом центре. Хотя точного ответа на этот вопрос, на данной стадии раскопок, дать нельзя, все же разбор второй разновидности твердых фаянсов Двина, с непрозрачным или почти непрозрачным черепком, дает нам возможность сделать предположение.

Для второй разновидности характерен менее твердый, на один минерал шкалы Мосса, черепок, почти вполне непрозрачный. Среди изделий этой разновидности, которую будем называть просто «твердые фаянсы», выделяются несколько замечательных предметов. Они интересны как прекрасным белым материалом, так и орнаментацией. Дно этих блюд и тарелок украшено гравированными по сырцу изображениями фантастических зверей среди стилизованных растительных мотивов,— побегов, фигурных листьев, бутонов и цветов. Замечательно красиво большое блюдо (37 см в диаметре) из очень белого и чистого фаянса, оживленное синими пятнами, с изображением

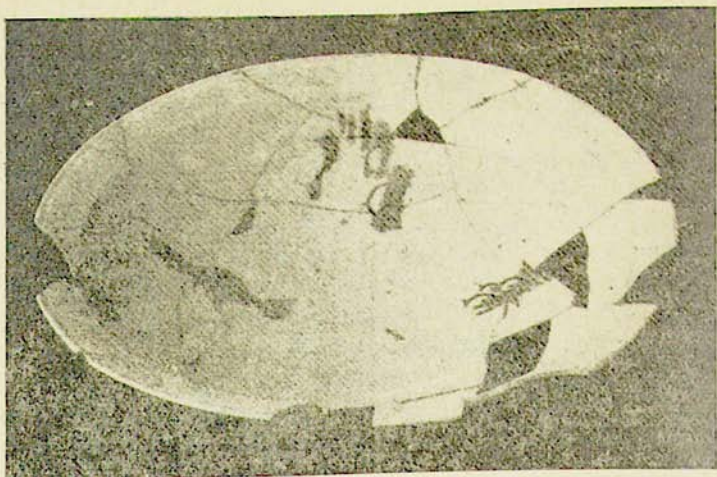

Рис. 18.

Рис. 19.

непонятного зверя с рогами, № 62 (рис. 18). Второе той же формы, но хуже сохранившееся, блюдо украшено изображением птицы, № 63. На двух тарелках, покрытых бесцветной и голубой глазурью, изображены грифон, № 64 и сфинкс, № 65 (рис. 19). На блюде с птицей и на голубой тарелке со сфинксом по борту тянется кайма непрерывно выходящегося орнамента, столь часто встречающегося на закавказской и, в частности армянской, керамике, в особенности же белоглиняных изделиях, украшенных гравировкой по сырцу. На трех из четырех вышеперечисленных изделий твердого фаянса на обратной, непокрытой глазурью, стороне дна имеется зелено-бурый знак мастера ω , совершенно того же вида и той же краской написанный, как на чаше полупрозрачного фаянса с каймой непрерывно выходящегося орнамента, № 61. Последнее просто решает вопрос о времени и месте производства этих твердых изделий, до раскопок Двина неизвестных. Они явно принадлежат к тому же, что и полупрозрачные фаянсы производству и, следовательно, датируются не позднее первой половины 11-го столетия. Производились они в том же керамическом центре Армении, который, судя по тому, что в Ани твердых фаянсов рассмотренной разновидности не найдено, находился, вероятно, в Двине.

Интересно, что и среди твердых фаянсов имеются предметы, расписанные люстром. К ним принадлежит чаша общей, для всей белоглиняной керамики Армении 10—11 веков, формы и тех же размеров, № 67. Изображена на ней птица с длинным хвостом среди растительных побегов. Видимо было общим правилом, что керамические мастерские, изготавливавшие белоглиняную керамику, покрытую прозрачной, чаще бесцветной, иногда же окрашенной глазурью, украшали ее гравировкой и росписью люстром, при этом, судя по количеству сохранившихся образцов, первый способ украшения был более распространен.

Твердые и полупрозрачные фаянсы с гравировкой

60. Чаша с округлыми боками, на невысокой кольцевой ножке, снаружи рельефные лепестки, она как бы вставлена в восьмилепестковый цветок, похожий на магнолию. № 245, 1949 г., I участок, высота 6 см, диаметр 19 см.

Черепок белый, тонкого строения, очень твердый, от 7-го до 8-го минерала шкалы, полупрозрачный. Очень похож на фарфор, не по пористости, хотя и незначительной, он относится к фаянсу. Глазурь бесцветная, покрывает всю чашу внутри и снаружи исключая ножку. Вся глазурь покрыта небольшими трещинками. Сохранилась на 5/6. 10-й начало 11 века.

Примечание: по форме эта чаша очень близка к двинским и анийским мягким фаянсам, рассмотренным нами в предыдущей главе. Рельефные лепестки снаружи совершенно такой же формы, как на полупрозрачном фрагменте чаши из Ани (№ 768), от которой сохранился лишь ободок.

61. Чаша с округлыми боками на низкой каблучной ножке. № 17, 1950 г., I участок, высота 6 см, диаметр 19 см, высота ножки 0,5 см, диаметр ножки 7 см, толщина стенок 0,3 см, толщина дна 0,6 см.

Черепок, как у предыдущей, твердость около 7. Глазурь бесцветная, слегка зеленоватая в местах скоплений, покрывает всю чашу, включая ножку, лишь донышко свободно от глазури. Внутри чаши по борту тянется ограниченная двумя концентрическими кругами кайма непрерывно выходящего орнамента, нанесенная тонкой и прекрасно исполненной гравировкой по сырцу. На дне, на неглазурованной поверхности, имеется буро-зеленый знак мастера ω . 10-й начало 11 века.

Примечание: великолепный образец полупрозрачного фаянса очень похожий, явно одного производства, на анийский фрагмент (№ 768). Последний украшен таким же, как рассмотренная чаша, непрерывным орнаментом, исполненным тончайшей гравировкой.

62. Блюдо тарелочной формы, на невысокой каблучной ножке. № 473, 1946 г., I участок, высота 9,5 см, диаметр 37 см, ширина борта 2,5 см, диаметр ножки 16 см (рис. 18).

Черепок белый, твердый, плотный. По шкале между 5 и 6 минералом. Глазурь бесцветная, слегка зеленоватая в местах скопления, покрывает чашу внутри и снаружи, исключая ножку. Рисунок гравирован по сырцу. Изображено фантастическое животное с рогами, вокруг фигурные листья и бутоны, борт украшен орнаментом из двух переплетенных волнистых линий похожих на скрученную веревку. Поверхность чаши

оживлена тремя небрежными синими пятнами с разорванными краями. На обратной неглазурованной поверхности зелено-бурый знак мастера ω , такой же как на чаше № 59. Сохранилась на 7/8. 10-й начало 11-го века.

Примечание: великолепный и редкий экземпляр керамики.

63. Блюдо такой же, как предыдущее, формы. № 472, 1946 г., I участок, высота 9 см, диаметр 36 см.

Черепок и глазурь такие же, как у номера 60, но глазурь хуже сохранилась и очень загрязнена. Украшено гравировкой. На дне изображена птица, вероятно утка, среди растительных завитков. Вокруг птицы пояс из орнамента, состоящего из чередования фигур, похожих на цифру 2 и двух, обращенных в противоположные стороны, квадратных скобок. По борту блюда тянется кайма непрерывно выходящего орнамента. На неглазурованной поверхности дна такой же, как на блюде № 62, зелено-бурый знак мастера ω . Сохранилась на 2/3. 10-й начало 11-го века.

64. Тарелка на невысокой каблучной ножке. № 192, 1946 г., I участок, высота 6,5 см, диаметр 25 см, ширина борта 2,5 см, диаметр ножки 10 см. Форма такая же, как на предыдущих, но меньшего размера.

Черепок белый, плотный и твердый, по шкале 5—6. Глазурь бесцветная, слегка зеленоватая в местах скоплений. Она покрывает всю тарелку, кроме ножки. Рисунок гравирован по сырцу. На дне изображен грифон, вокруг него фигурные листья и бутоны того же вида, как на № 62. На обратной, непокрытой глазурью поверхности ножки тот же, как у предыдущих, знак мастера ω . Сохранилась на 2/3. 10-й начало 11-го века.

65. Тарелка похожая на предыдущую форму, но более глубокая. № 475, 1946 г., I участок, высота 7,5 см, диаметр 25,5 см, ширина борта 2 см (рис. 19).

Черепок, как у предыдущих. Глазурь голубая не очень яркого, слегка зеленоватого тона. Рисунок гравирован по сырцу менее острым инструментом, чем на предыдущей, поэтому врезанные контуры получились более широкие и глубокие. Изображен сфинкс в круглой шапочке, с узкими глазами. Вокруг сфинкса растительные побеги. По борту кайма непре-

рывно выходящего орнамента. Сохранилась на 7/8. 10-й начало 11-го века.

Примечание: знака мастера на этой чаше нет, но сходство черепка, формы и орнаментация указывает на общее происхождение. Найдена она в одном колоде, квадрата 7 с., с блюдами № № 62, 63.

Твердые фаянсы, расписанные люстром

66. Чаша маленькая, с округлыми боками, на низкой кольцевой ножке. № 332, 1946 г., I участок, высота 5,5 см, диаметр 12,5 см.

Черепок белый и полупрозрачный, твердость 6—7. Глазурь бесцветная, в местах скопления зеленоватая, покрывает всю чашу внутри и снаружи, кроме ножки, с мало заметными кракелюрами. Расписана зеленовато-желтым люстром, с синеватым отливом. На дне чаши изображен лист, по бокам две куфические надписи и два круглых пятна. На доньшке, с обратной стороны, на неглазурованной поверхности знаки мастера, написанные зелено-бурой краской, один из них того же вида, как на вышеописанных блюда 6, 10-й начало 11-го века.

Примечание: по форме, черепку и главное по знаку мастера, написанному той же зелено-бурой краской, эта чаша относится к тому же производству, как и вышеописанная полупрозрачная чаша № 61, и твердые фаянсы № № 62, 63, 64.

67. Чаша с округлыми боками, на низкой каблучной ножке. № 130, 1947 г., I участок, высота 6 см, диаметр 18,5 см.

Черепок белый, плотный и твердый, тонкого строения, твердость 5—6. Глазурь бесцветная, покрывает чашу внутри и на 3/4 снаружи. Чаша расписана винно-красным люстром с золотисто-коричневым отливом. На дне в очень небрежной манере изображена птица с длинным хвостом среди растительных завитков. Ввиду плохой сохранности, уцелело лишь 3/5 чаши, нельзя составить себе полного представления об орнаментации. 10-й начало 11-го века.

Примечание: размер и форма этой чаши та же, что и у рассмотренных в предыдущем разделе мягких фаянсов с гравировкой по сырцу. Черепок же по плотности такой же,

как и у вышеописанных блюд. По этим признакам эта чаша является связующим звеном между мягкими и твердыми фаянсами.

Д. Белоглиняная керамика, украшенная накладными рельефными фигурами и гравировкой

К этому типу изделий принадлежит керамика с белым, нетонкого строения черепком, рыхлым и мягким. Покрывалась она цветной глазурью. По качеству эта керамика значительно уступает не только твердым и полупрозрачным фаянсам, но и мягким с гравировкой и ажуром. Украшалась она широкой гравировкой и накладными рельефными фигурами: жгутами, розетками, кнопками и маскаронами в виде львиных морд и женской головки с локонами в причудливом головном уборе. Последние очень интересны и нигде, кроме Закавказья, на средневековой керамике не встречаются. Фрагменты керамики этого вида найдены в Двине, Ани, Дманиси, и один незначительный обломок в Старой Гяндже. Маскаронами в виде женского лица, в интересном головном уборе, украшен двинский фрагмент, покрытый синей глазурью, № 68*. Совершенно такими же маскаронами украшен фрагмент голубой чаши из Ани (№ 744, Исторический музей в Ереване), с отвесными боками и перехватом у края. Этот фрагмент позволяет судить о форме чаш с накладными рельефными украшениями. Маскароны на анийской чаше размещены в два ряда, при чем верхние несколько меньше по размеру, нижних, хотя по рисунку они одинаковы. Найденный в Дманиси небольшой синий фрагмент этой керамики украшен таким же маскаронем и того же размера, как на голубой анийской чаше. Помимо женских лиц эта керамика украшалась масдронами в виде львиных морд. Маскарон последнего вида имеется на голубом фрагменте из Ани (№ 580, Исторический музей в Ереване)**. Он хорошо передает львиную морду и мастерски моделирован. Подобные маскароны встречаются редко, но львиные морды другого вида,

* Издан мною в вышеуказанной статье о двинской керамике, стр. 190, рис. 6.

** Издан мною в ук. статье, Худ. керам. пром. среднев. Армении*, рис. 10, центр.

значительно более стилизованные, найдены в Ани и Двине. Ими украшена обнаруженная в Двине ваза с широким цилиндрическим горлом и почти шаровидным туловом, покрытая синей глазурью, № 69*. Помимо львиных морд на этой вазе имеются накладные кнопки и небольшие плоские овалы с двумя точками и двумя черточками, изображающими, совершенно в характере детских рисунков, глаза, нос и рот. Помимо этих накладных фигур, ваза украшена широкой и сравнительно глубокой гравировкой. Среди найденной в Двине керамики имеются изделия совершенно однотипные с предыдущими по черепку и глазури, но украшенные одной гравировкой без накладных фигур. К ним относится кувшин № 70 и блюдо № 71, покрытые голубой глазурью.

По черепку, глазури и накладным украшениям эта керамика, найденная в разных местах Закавказья, настолько близка между собой, что ее следует отнести к одному керамическому центру. Так как эти фаянсы нигде, кроме Закавказья, не найдены, то им нельзя приписать импортное происхождение. Больше всего их найдено в Двине и Ани, затем следует Дманиси и, наконец, как исключение, они встречаются в Азербайджане. Поэтому, можно установить, что двинские находки этого вида фаянса производились в Армении, но где именно, в Двине или Ани, мы в настоящее время сказать не можем. Условия, при которых найдены некоторые из этих изделий в Ани, указывают на 13-й век. Два фрагмента обнаружены в Ани у мечети Мануче, когда раскапывались жилые дома, построенные в конце 12 века. Так как для керамики Двина может быть принято во внимание лишь начало 13 века, то датировать их приходится 12-м началом 13-го столетия. Последнее подтверждает форма изделий с цилиндрическими боками и перехватом у края, появившаяся лишь в 12-м веке.

68. Фрагмент от большого сосуда неизвестной формы. № 1063, из случайных находок 1937 г., размер 9 x 6,5 см, толщина 0,5 см.

Черепок мягкий, белый, нетонкого строения, твердость излома 2—3. Глазурь синяя, прозрачная, покрывает фрагмент

* Издан мной в вышеуказанной статье о двинской керамике, стр. 190, рис. 7.

снаружи и лежит не вполне ровным слоем. С обратной стороны глазурь фиолетовая. Украшен фрагмент маскаронами в виде женской головы с локонами в причудливом головном уборе. Фигуры расположены в несколько рядов в шахматном порядке. Один маскарон отскочил, что доказывает накладную технику. 12-й начало 13-го века.

69. Ваза с цилиндрическим высоким горлом, почти шаровидным туловом, на кольцевой ножке. № 35, 1939 г., I участок, высота 26 см, диаметр тулова 19 см.

Черепок, как у предыдущего. Глазурь такая же, покрывает всю вазу внутри и снаружи кроме ножки. Ваза украшена накладными фигурами. По горлу расположено два ряда украшений. Наверху небольшие маскароны, не то с человеческим лицом, не то с сильно стилизованными львиными мордами, в высоких головных уборах; возможно, что это волосы или львиная грива. Внизу небольшие кнопки—розетки. По верхней части тулова, немного ниже горла, расположены маленькие плоские овалы с двумя точками и двумя черточками, изображающими глаза, рот и нос. Ниже их, ряд кнопок—розеток. Кроме накладных фигур ваза украшена гравированными завитками и зигзагами. Сохранилась на 3/4. 12-й начало 13-го века.

Примечание: ваза найдена одновременно и в одном месте с фигурным люстрованным кувшином в виде сирин, речь о котором будет идти впереди. Кувшин принадлежит к люстрованной керамике Рея и по форме и по орнаментации относящийся к 12-му веку, что подтверждает нашу датировку вазы.

70. Кувшин с широким горлом на невысокой кольцевой ножке. № 233, 1946 г., I участок, высота 16,5, диаметр тулова 15 см, диаметр горла в узком месте 9 см.

Черепок белый, не очень тонкого строения, твердость 3—4. Глазурь прозрачная, голубая, скопилась толстым слоем у ножки. На ручке накладная кнопка. Украшен орнаментом, исполненным широкой гравировкой. По горлу расположены отделенные друг от друга столбиками фигуры в виде цифры 2. На верхней части тулова ряд треугольников, в нижней—косая штриховка. 12-й начало 13-го века.

71. Блюдо сравнительно глубокое, с небольшими горизон-

тальным бортом, на невысокой кольцевой ножке. № 234, 1946 г., I участок, высота 5,5 см, диаметр 27,5 см, диаметр ножки 1 см.

Черепок и глазурь, как у предыдущей вазы. Снаружи блюдо покрыто глазурью лишь у борта. Украшено гравировкой того же вида, как и на кувшине. На дне четырехлепестковая розетка. Между лепестками—растительные завитки и цветы похожие на шестеренку. Рисунок очень похож на зеленый фрагмент такой же керамики из Ани. 12-й начало 13-го века.

Примечание: блюдо найдено вместе с кувшином. Возможно служило для него поддоном.

Е. Фаянсы, покрытые белой глухой глазурью, расписанные кобальтом по сырой глазури и надглазурно—люстром и красками. Импортные изделия

Изделия, покрытые непрозрачной глухой глазурью, в Двине, как и в Ани, найдены в значительном числе образцов, но в основном это лишь незначительные фрагменты. Предметов настолько сохранившихся, что мы можем судить о форме изделий и о характере орнаментации в целом, сравнительно немного. Начнем обзор изделий с глухими глазурями с наиболее ранних.

Еще в первую археологическую кампанию при раскопках базиличной церкви, расположенной недалеко от дворца каталикоса, были найдены фрагменты изделий до этого ни в Армении, ни вообще в Закавказье неизвестные, № 72.

В следующем 1938 году, опять таки в базиличной церкви, была найдена чаша, разбитая на куски, но почти вся сохранившаяся, № 73*. Эта чаша, совершенно однотипная раньше найденным фрагментам, имеет светложелтый, мягкий черепок, покрытый непрозрачной белой глазурью, непрочной связанной с черепком, и поэтому местами отскочившей. Расписана чаша кобальтом по сырой глазури. Изображено три листа, декоративного каштана—«конского»—с плодом. Интересна форма чаши с плавно отогнутыми краями и низкой, но широкой и плоской кольцевой ножкой, такая форма на керамике Двина встречается впервые. Совершенно ту же форму, черепок и

* Чаша издана мной в вышеуказанной статье, стр. 192, рис. 8.

глазурь имеет, найденная в 1949 г. белая чаша без росписи, № 74. Как по форме, так и по свойствам черепка, глазури и росписи, эти изделия, как уже упоминалось, не имеют аналогий среди всей средневековой керамики Закавказья. Лишь в Самарре на Тигре была найдена керамика этого вида, изданная и описанная Зарре. Найденные в Самарре фрагменты изделий этого вида имеют такой же желтоватый, мягкий и непрочный связанный с глазурью черепок и они также расписаны кобальтом по непрозрачной белой глазури. Особенно похож на двинские фрагмент от чаши с силуэтно написанный розеткой, изданный Зарре*. Фрагмент принадлежал чаше, имевшей ту же форму, как и чаша, найденная в Двине. На той же таблице Зарре воспроизводит чашу, находившуюся в антикварной торговле и происходящую из Ирана. Последнее нельзя признать достоверным поскольку к свидетельствам антикваров приходится относиться скептически. Эта чаша настолько близка по форме, орнаментации, черепку и глазурь к чаше, найденной в Двине, что их общее происхождение бесспорно. На ней, как и на двинской, изображены три фигурных листа, вероятно каштана, также силуэтно нарисованные. Посередине между листьями мы видим похожее синее пятно. Подобную же чашу из собрания Х. Хольмс воспроизводит Артур Пооп в «Обзоре персидского искусства»**. На ней, также кобальтом, нарисован фигурный лист, посередине же вместо пятна изображен цветок, вероятно тоже каштана. Она имеет такую же форму и тот же размер. Все эти предметы явно относятся к одному производству. Остается выяснить, где и когда они производились.

Самаррский фрагмент, наиболее близкий по росписи и форме к двинским, найден во дворце Ашик и, следовательно, прочно датируется 9-м веком. Условия, при которых найдены эти фаянсы в Армении, а именно, отсутствие их в Ани и находка всех экземпляров, за исключением одной белой

* F. Sarre. Die Ausgrabungen von Samarra. Band II. „Die Keramik von Samarra“, Berlin, 1925, стр. 46, № 168, т. XVIII, 2.

** Arthur Pope, вышеуказанное сочинение, т. II, стр. 1482 и том V, таблица 573е. На выставке персидского искусства, 1931 г., находилась подобная чаша с изображением 4-х листьев каштана, в центре ее куфическая надпись. Gaston Weill. L'exposition Persane de 1931, табл. XVI, Le Caire, 1933.

чаши, в районе собора и дворца католикоса, где расположена базиличная церковь, подтверждает датировку найденных в Самарре фрагментов.

Значительно труднее выяснить вопрос о месте изготовления этих изделий. Артур Пооп считает, что производство, в основном, было сосредоточено в Иране, хотя и не в одном керамическом центре*. Против последнего нельзя спорить, так как Пооп классифицирует керамику исключительно по стилистическому признаку не придавая особого значения черепку и глазури. Керамика с силуэтной росписи кобальтом производилась, вероятно, в это время в разных местах и возможно найденные в большом числе в Иране фаянсы с подобной росписью сделаны в Иране. Нас же интересует вопрос о происхождении двинских изделий настолько близких друг к другу по свойствам черепка, глазури и форме, что их нельзя относить к разным мастерским. К тому же керамическому центру, по тем же признакам, нужно отнести фрагменты, найденные в Самарре и чаши, воспроизведенные Зарре и Поопом. Последние не только похожи по технике и росписи, но имеют те же размеры, что и чаша двинских раскопок. Решить же вопрос о том, относятся ли остальные изделия, описанные Поопом, к той же группе, мы не можем, так как не обращающий должного внимания на технику производства автор ничего не говорит о характере черепка и глазури. Против иранского происхождения найденных в Двине изделий говорит форма чаш, черепок и непрочная связанность последнего с глазурью. Для иранских фаянсов характерны более высокая кольцевая ножка и другая форма края. Черепок найденных в Двине изделий в излом мягок. Он легко царапается третьим минералом шкалы Мосса—кальцитом, в то время как черепок большинства иранских фаянсов тверже 4-го минерала шкалы—плавикового шпата—поднимаясь часто до твердости апатита и полевого шпата.

Наконец, на иранских изделиях не наблюдается отскакивания глазури. Интересно, что Пооп, пренебрегающий свойствами черепка и всю свою классификацию, зачастую ошибочную, строящий на стилистическом анализе, все же отмечает, что

* Указанное сочинение Поопа, стр. 1485.

у фаянсов, найденных в Иране, по сравнению с мессопотамскими, черепок тоньше по строению, тверже и имеет другой, сероватый цвет*.

Следовательно, иранское происхождение рассматриваемых фаянсов должно быть исключено. И вероятней всего они изготовлялись в Мессопотамии, тем более, что найденные в Самарре люстрованные фаянсы имеют такой же черепок и такую же глазурь. В каком керамическом центре было сосредоточено производство этих фаянсов, в Самарре или в другом городе Мессопотамии, мы решить не можем, поскольку нигде до сих пор не найдено производственного брака этих фаянсов.

До 1946 г. вышеописанные фаянсы были единственными изделиями Мессопотамии, найденными не только в Армении, но и во всем Закавказье. В этом же году был найден фрагмент другого типа изделий, также мессопотамского происхождения, № 75.

При раскопках в районе собора и дворца каталикоса, следовательно, там же, где были найдены только что рассмотренные фаянсы с росписью кобальтом, был обнаружен фрагмент от чаши с отогнутыми краями. Фрагмент имел такой же, как у вышеописанных, желтый и мягкий черепок, непрочно покрытый глухой белой глазурью. Но украшен он иначе. Фрагмент расписан вишнево-красным люстром с золотисто-синим отливом и кроваво-красной краской. Ввиду плохой сохранности нельзя судить об орнаментации в целом, но в красочном отношении она очень эффектна игрой яркочерных и темных вишнево-красных тонов с золотистыми и синими отливками. Изделия этого вида, также как и расписанные кобальтом, найдены в Самарре на Тигре. В особенности близок к двинскому экземпляру по краскам и орнаментации изданный Зарре фрагмент от чаши**. Сходство настолько велико, что трудно сомневаться в едином происхождении двинского фрагмента и самаррского. Датируются люстрованные фаянсы тем же временем, что и расписанные кобальтом, следовательно 9-м веком. В Самарре они найдены при раскопках дворцов, двинские же,

* Указанное сочинение, стр. 1485.

** Там же, табл. XVII, 1—3.

как уже говорилось, в том районе, который не был восстановлен после землетрясения в 893 г. Остановимся вкратце на одной замечательной чаше, которая по технике должна была бы рассматриваться в главе об ангобированной керамике, но по черепку и форме она настолько близка к только что описанным изделиям Месопотамии, что рассматривать ее отдельно от последней нецелесообразно, № 76 (рис. 20).

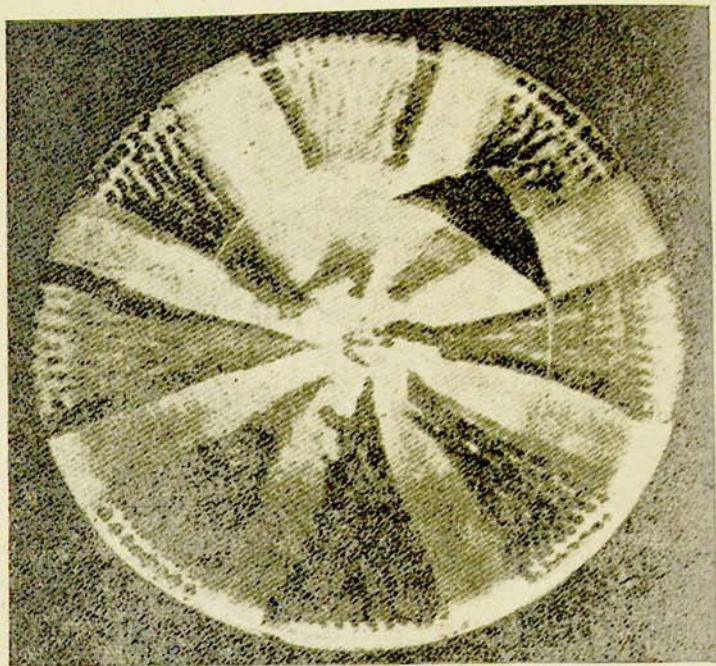

Рис. 20.

Эта чаша покрыта по мягкому и желтому черепку ангобом и по нему расписана синей, фиолетовой и зеленой красками. Несмотря на примитивность узора—цветные радиально расположенные полосы—убранство этой чаши очень красиво. Ее также следует считать завезенной в Двин из Месопотамии и также датировать,—найдена она на том же участке как и росписанная кобальтом керамика,—9-м веком.

Продолжая обзор фаянсов покрытых глухой, белой глазурью, мы не можем привести среди найденных в Двине ни одного образца, который мог бы быть датирован 10-м, 11-м и даже первой половиной 12-го века. Факт сам по себе очень примечательный. Лишь через два с половиной столетия после мессопотамских фаянсов мы находим среди керамики Двина, также как и Ани, изделия покрытые непрозрачной белой глазурью. Особенно много их найдено в Ани. Значительно меньше в Двине, но среди последних сохранилось несколько замечательных образцов, на которых следует остановиться. Все они расписаны поверх глазури, при этом большинство люстром, меньшинство же красками. Среди расписанных люстром особенно замечателен фигурный кувшин в виде сирена, № 77*. Иранское и, в частности рейское, происхождение этого кувшина становится очевидным при сравнении его с хранящимися в Историческом музее Академии наук Арм. ССР экземплярами люстрованных изделий, найденных в Рее**. Также в мастерских Рея был изготовлен второй замечательный предмет Двина расписанный люстром. Речь идет о чаше с арабскими надписями и двумя, изображенными на донышке, сидящими человеческими фигурами, мужчиной и женщиной, № 78. Эта чаша, так же как фигурный кувшин, имеет черепок характерный для фаянсов Рея не только люстрованных, но и с поляхромной росписью. Для рейского черепка характерен розовый цвет, не слишком тонкое строение и твердость излома между 4-м и 5-м минералами шкалы. Именно такой черепок имеют найденные в Рее фаянсы с росписью люстром и красками, хранящиеся в Ереванском историческом музее (из собрания Малаяна). Относятся эти фаянсы, на основании датированных образцов, к концу 12-го началу 13-го века. Последнее подтверждается фрагментом сосуда, расписанного люстром, с изображением звериного гона и сидящих округлых человеческих фигурок, найденного в Ани при раскопках жилых домов,

* Кувшин издан мной в вышеуказанной статье о „Средневековой художественной керамике Ближнего и Дальнего Востока“, стр. 12, рис. 5.

** Там же, стр. 9—15. Изучение материалов Ереванского музея опровергает утверждение Поопа о кашанском происхождении большинства люстрованной посуды Ирана.

построенных в конце 12 века (Исторический музей, Ереван, № 77812А). К тому же времени относится и к тому же производству принадлежит найденный в Двине фрагмент чаши с надглазурной полихромной росписью, № 79. Фрагмент имеет совершенно такой же черепок, как вышеописанная чаша и кушнии.

Заканчивая на этом обзор найденных в Двине фаянсов, покрытых непрозрачной белой глазурью, попытаемся дать объяснение некоторым вопросам, возникшим во время изложения.

Во-первых, чем объяснить, что все найденные в Двине образцы фаянсов рассматриваемого вида завезены из Ирана и Месопотамии? И почему местные мастера-керамисты не изготавливали их у себя дома? Объяснить это явление тем, что мастерам Двина были неизвестны способы производства этих изделий, нельзя, так как фаянсы с глухими глазурями были широко распространены на Переднем Востоке и двинским мастерам, производившим керамику, стоящую в техническом отношении выше их, как белые полупрозрачные фаянсы, вряд ли могла быть неизвестна их технология. Глухая глазурь применялась в тех случаях, когда под рукой не имелось, или оно было очень дорого, сырья, дающего при обжиге белый черепок. Последний маскировался у простых керамических изделий обычно ангобом, у более же высококачественных—глухой глазурью. В Двине имелось сырье, дающее вполне белый черепок, при этом видимо не слишком дорогое, поэтому местным мастерам не приходилось пользоваться глухой глазурью.

Возникает еще один вопрос—почему фаянсы с глухой глазурью ввозились в Двин в 9-м веке и в конце 12-го в., в течение же двух с половиной веков они не находили сбыта в Двине?

В 9-м веке, как мы видели, производилась на месте лишь простая, ангобированная керамика. И спрос на высококачественную керамику покрывался ввозом, при этом, судя по находкам месопотамским и даже точнее самаррским. Последнее понятно, так как Двин, как резиденция наместничества, был тесно связан с Самаррой—столицей Халифата.

В 10-м и 11 веках ввоз прекращается, так как в это время спрос на дорогую керамику покрывался замечательными белы-

ми, твердыми и полупрозрачными фаянсами местного производства. В конце 11-го и в первой половине 12-го века общее экономическое положение, после сельджукского завоевания, было неблагоприятным как для местной промышленности, так и для зарубежного ввоза. Во второй же половине 12-го века, судя по находкам в Ани и Двине, ввоз высококачественной иностранной керамики возобновляется, при этом мессопотамский импорт заменяется иранским. Импорту высококачественной керамики в это время способствовало то обстоятельство, что в послесельджукский период, судя по находкам в Ани и Двине, местная керамическая промышленность, хотя и производила по-прежнему высокохудожественную керамику, но технически значительно уступавшую не только отечественной продукции 10-го начала 11-го века, но и современной ей иранской.

Разбор двинской керамики доказывает торговые связи города не только с Ираном и Мессопотамией, но и с Китаем, о чем свидетельствуют два фрагмента китайских селадонов типа Луа-цюан-яо, 12—13-й века, найденных в Двине.

Бросается в глаза бедность двинской коллекции дальневосточными изделиями, в особенности по сравнению с анийской, последнее вероятно объясняется тем, что в начале 13 века, времени к которому относится большинство найденных в Ани образцов, Двин находился уже в полном упадке.

Фаянсы расписанные кобальтом

72. Фрагмент от чаши с отогнутыми краями. № 473, 1937 г., II участок, базиличная церковь, диаметр 21 см, толщина 0,6—0,7 см. Дно чаши не сохранилось. Черепок желтый, мягкий, по шкале твердости между 2—3 минералами. Глазурь белая, непрозрачная. Роспись на фрагменте не сохранилась. 9 век.

73. Чаша с отогнутыми краями на низкой, плоской и широкой кольцевой ножке. № 124, 1938 г., Базиличная церковь, II участок, высота 6 см, диаметр 21 см, толщина 0,6 см, черепок и глазурь, как у предыдущего. Глазурь покрывает всю чашу, включая кольцевую ножку. Местами она отскочила обнаружив желтый черепок. Чаша расписана кобальтом по сырой глазури. На дне изображено пятно, вокруг которого расположено три фигурных листа, повидимому декоративного

каштана. Пятно посередине, вероятно, изображает плод каштана. Сохранилась почти вся. 9 век.

74. Чаша с отогнутыми краями, на низкой, плоской и широкой кольцевой ножке. № 246, 1949 г., I участок, высота 6 см, диаметр 23 см.

Черепок, как у предыдущей. Глазурь такая же и так же покрывает всю чашу включая ножку. Чаша не расписана. Сохранилась наполовину. 9-й век.

Примечание: чаша принадлежит к редким экземплярам ранней керамики, найденной в цитадели.

Роспись люстром

75. Фрагмент чаши с отогнутыми краями. № 211, 1946 г., II участок, размер 8 x 6,5 см, найден около собора. 7-й век.

Черепок желтый немного тверже предыдущих, твердость излома 3—4. Глазурь белая, непрозрачная, плохо соединена с черепком и местами отскочила. Росписан фрагмент вишнево-красным люстром с золотистыми и синими отливами. Орнамент внутри растительный, снаружи—полосы. Чаша расписана люстром по кроваво-красному фону, нанесенному расплывшейся краской, оставившей белые, лишь сравнительно небольшие поля. 9-й век.

Полихромная роспись под прозрачной глазурью

76. Чаша с отогнутыми краями, на низкой каблучной ножке, с вдавленным доньшком. № 59, 1947 г., II участок, высота 7,5 см, диаметр 23,5 см, диаметр ножки 10,5 см (рис. 20).

Черепок желтый, той же твердости, что и у предыдущего фрагмента. Вся чаша, включая ножку, покрыта ангобом и бесцветной глазурью. Последняя местами отскочила. Расписана под глазурью тремя красками: фиолетовой, зеленой и синей. Узор радиальный. Поверхность разделена восьмью белыми полосами с синей чертой посередине на восемь сегментов, украшенных фиолетовыми и зелеными полосками. 9-й век.

77. Кувшин в виде сирина. № 75, 1939 г., I участок, высота 17 см (ввиду отсутствия ножки меньше первоначальной).

Черепок серый, с розоватостью, твердость 4—5. Глазурь белая, непрозрачная, слегка голубоватая в местах скоплений.

Голова сирина, служащая горлом сосуда, украшена невысокой круглой шапочкой. Лицо монгольского типа с узкими, прорисованными почти до ушей, глазами и высоко поставленным ртом. Крылья сирина сложены, но от спины поднимаются, загибаясь к голове, четыре пера. Кувшин расписан коричневым с золотистым и красным отливами. люстром. Грудь, крылья и перья сирина покрыты сравнительно мелким растительным орнаментом. Сохранился на 7/8. Вторая половина 12 века.

Примечание: редчайший экземпляр иранских фаянсов, рейских мастерских. Подобный кувшин находится в Тегеранском музее*.

78. Чаша с отвесными боками на высокой кольцевой ножке. № 407, 1946 г., I участок, высота 10 см, диаметр 21 см.

Черепок серый с розоватостью, твердость 4—5. Глазурь белая, непрозрачная покрывает всю чашу. Ножка внутри кольца покрыта тонким слоем прозрачной глазури. Расписана коричневым люстром с красноватыми и зеленоватыми отливами. На дне чаши две сидящие фигуры—мужская и женская с круглыми лицами. По бокам чаши три каймы с арабскими письменами. Снаружи чаша украшена типичным для иранских и, в частности рейских, изделий орнаментом из ягодок и длинных полукруглых лепестков. Сохранилась на 3/5, вторая половина 12-го века.

Полихромная надглазурная роспись

79. Фрагмент чаши на высокой кольцевой ножке. 1946 г., I участок, высота 9 см, диаметр 21,5 см.

Черепок, как у предыдущей. Глазурь такая же и так же покрывает чашу. Внутри кольцевой ножки глазурь прозрачная.

Фрагмент расписан красками над глазурью. На дне изображен всадник (голова лошади и верхняя часть всадника не сохранились), лошадь фиолетовая, копыта красные, одежда всадника синяя, сапоги голубые. По борту расположены

* Издаѣ в „Annales du Service archéologique de l'Iran“, Paris, 1936, том I, стр. 183, рис. 127.

четыре овала с синими волнистыми линиями. Между ними сидящие по две, в разговоре, фигуры с круглыми лицами, по сторонам цветы. По краю чаши расположен ряд волнистых линий.

Снаружи она украшена геометрическим орнаментом из образующих квадраты зигзагов. Глубокие по тону голубая и синяя краски этой чаши значительно расплылись, возможно она расписана ими по сырой глазури. Наоборот, красная, черная, фиолетовая и зеленовато-серая (контур) нанесены поверх глазури. Сохранилась на 1/3. Вторая половина 12 века.

Примечание: для этого фрагмента, также так и для предыдущих, характерна высокая кольцевая ножка, типичная для фаянсов Ирана, не встречающаяся на местных армянских, как и вообще закавказских, фаянсах.

ԲԵՐՈՒԹ ՇԵԼՎՈՎՆԻԿՈՎ

ԴՎԻՆԻ ՊԵՂՈՒՄՆԵՐԻՑ ՀԱՅՏՆԱԲԵՐՎԱԾ ԿԱՎԱՆՈՒՆԵՐՆ
ՈՒ ԱՊԱԿՅԱ ԻՐԵՐԸ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Դվին քաղաքի պեղումների ժամանակ գտնված կավանոթների և ապակյա իրերի հարուստ ժողովածուներն այժմ իսկ, երբ պեղումները գեղեստավարտված չեն, տեսակների բազմազանությամբ և օրինակների բարձրորակությամբ չունեն իրենց հավասարն Անդրկովկասի միջնադարյան մյուս հնավայրերից դուրս եկած առարկաների մեջ:

Դվինի կավանոթների և ապակյա իրերի ուսումնասիրությունը կարևոր է հետևյալ պատճառներով. նախ՝ հնարավորություն է ընձեռում պարզելու կերամիկական և ապակու արդյունադարձության բնույթն ու չափերը, երկրորդ՝ ներմուծված առարկաների միջոցով պարզվում է օտար երկրների հետ եղած առևտրական կապերը և, երրորդ՝ հարստացնում է մեր գիտելիքները Առաջավոր Ասիայի կերամիկայի և ապակու արտադրության մասին:

Ժամանակի տեսակետով, Դվինում գտնված կերամիկան և ապակին, գրեթե ամբողջությամբ բաժանվում են երկու խմբի,

որոնցից փոքրը՝ վերաբերում է 9-րդ դարին, իսկ մեծը՝ 11 և 12-րդ դարերին:

9-րդ դարին պատկանող ապակին գտնված է համեմատաբար քիչ քանակությամբ և, գրեթե բացառապես բեկորներով, բայց նրա մեջ կան բարձրորակ առարկաների նմուշներ: Այս կարգի ապակու թվին պետք է վերագրել՝ 1. փորագիր և վերագիր դարգարանք ունեցող առարկաները, 2. զուռավոր և ավազային փորագրությամբ անոթները և 3. նոսն և խաղողի ողկույղների պատկերով ապակիների տեսակները: Ի միջի այլոց, խաղողի ողկույղով և նոսն պատկերով ապակի, բացի Դվինից, ոչ մի այլ տեղում գտնված չէ: Թե որտեղ է դա արագորվել, հայտնի չէ, բայց ամենայն հավանականությամբ նրա արտագրության կենտրոնը գտնվել է Հայաստանում: որովհետև խաղողի և նոսն ուռուցիկ դարգարանքը հայկական միջնադարյան արվեստի բնորոշ գծին է հանդիսանում:

9-րդ դարին պատկանող զարդագուրկ կամ վերագրի գծիկներով և որտաներով զարդարված հասարակ փքուն ապակյա առարկաներ Դվինում չեն գտնված, բայց շատ կան նման առարկաների բեկորներ, որոնք ըստ հայտնաբերման վայրի վերաբերում են 11 և 12-րդ դարերին: Այդ խմբին են պատկանում ապակյա այն թասերը, որոնք այնքան նման են Դվինում գտնված ջնարակով պատած սովորական կավե թասերին. Հավանաբար այդ կավանոթների օրինակով էլ նրանք արտագրվել են: Նվ քանի որ ապակե թասերին իբրև օրինակ ծառայող կավանոթներն արտագրվել են Դվինում և, բացի դրանից, քանի որ ապակե այդ էծանագին թասերը չէին կարող օտար երկրներից բերված լինել, պետք է ենթադրել, որ դրանք Դվինի ապակեգործների արտագրության արգասիքն են: Այս արգեն մի ապացույց է, որ Դվինում 11 և 12-րդ դարերում գոյություն է ունեցել ապակե անոթների արտագրություն:

Դվինի կերամիկան ծայր աստիճան բազմազան է: Հասարակ կավանոթների կողքին, որոնց մեջ իրենց ձևով և կառուցվածքի նրբությամբ խիստ ուշագրավ են ջրի փոքրիկ կրկնառակ գավերը, հանդիպում են ջնարակով պատած և ծակոտկեն սպիտակախեցի կերամիկայի բոլոր տարատեսակները, սկսած սովորական բազմագույն ջնարակած կավանոթներից մինչև կիսաթափանցիկ՝ հախճապակին, որ գծավորությամբ է զանազանվում իսկական ճենապակուց: Դվինում գտնված անգորած կերամիկան

զարգարվել է կամ միայն փորագիր նախշերով և կամ զուսա-
զարգությամբ ու փորագրությամբ միասին: Վերջին տեսակը
գերակշռել է Դվին քաղաքի գոյության վերջին շրջանում, դժխա-
վորապես 12-րդ դարում և 13-ի սկզբներին: Նախշերը կազմված
են հիմնականում երկրաչափական և բուսական օրնամենտներից:
Վերջինները հաճախ խիստ ոճավորված են լինում, իսկ կենդա-
նիների պատկերները Դվինի կարճրախեցի կերամիկայի վրա
հանդիպում են միայն իրեն բացառությամբ: Այդ տեսակին
պատկանող մի հոյակապ քրեզան է գտնված արագիլի պատկերով:

Սպիտակախեցի կերամիկան (հախճապակին) Դվինում զբա-
նված է մեծ քանակությամբ: Կերամիկայի այս տեսակն իր խե-
ցու կարծրությամբ բաժանվում է երկու խմբի, որոնցից մեկն
ունի փափուկ խեցի, իսկ մյուսը՝ անհամեմատ կարծր է: Վեր-
ջինիս մի տարատեսակն է կիսաթափանցիկ հախճապակին:

Դվինի հախճապակին սովորաբար զարդարվել է հում կավի
վրա արված փորագրությամբ և, երբեմն էլ, ծակոտկեննու-
թյամբ, որը գոյացել է խեցու հաստության մեջ գայլիկոնած
մանր ծակերից: Թրծելու ժամանակ այդ ծակերը լցրել են թա-
փանցիկ ջնարակով: Հախճապակու օրնամենտիկայի մեջ խիստ
հետաքրքիր են բուսական սյուրտների մեջ պատկերված բարձրա-
վեստ ֆանտաստիկ գազաններն ու թռչնակերպ կենդանիները,
ինչպես նաև երկու այլ մոտիվ, որոնցից մեկը կազմված է կլո-
րակներից բաղկացած եզրազարդից, իսկ մյուսը՝ մեծ, գրեթե
ամանի ամբողջ մակերեսը բռնող վարդյակներից: Այդ երկու
օրնամենտն էլ խիստ տարածված են հայկական կերամիկայի
վրա և ոչ մի տեղ, բացի Հայաստանից (Դվին և Անի) չեն
հանդիպում, բացառությամբ միայն Խերսոնեսի (Ղրիմ), որտեղ
գտնվել է վարդյակի զարդարանքով մի քրեզան, երկուսն նկա-
րազարդությամբ, տեղական արտագրության բոլոր հատկանիշ-
ներով: Այդ երկուսթը բացատրվում է նրանով, որ մոնղոլական
արշավանքների ժամանակ Ղրիմ տեղափոխվող հայ դաղթական-
ների մեջ եղել են բրուտներ, որոնք իրենց նոր բնակավայրում
օգտագործել են իրենց հին հայրենիքի զարդանշանները:

Սպիտակ փափուկ հախճապակի, բացի Դվինից, Հայաստա-
նում արտադրվել է նաև Անիում, բայց վերջինիս խեցին և օրնա-
մենտիկան այնքան է տարբեր Դվինում գտնվածից, որ այդ
երկուսը չի կարելի վերագրել միևնույն արտադրական կենտ-

բունին: Մեր կարծիքով, 10 և 11-րդ դարերում (այդ ժամանակին են պատկանում հախճապակու այդ տեսակներն ըստ իրենց գտնված տեղի) Հայաստանում փափուկ հախճապակի արտադրություն է երկու կենտրոններում էլ, ինչպես Դվինում, այնպես էլ Անիում, մասնավորապես որ Դվինում գտնվել է նաև այդ հախճապակու արտադրական խոտանը:

Բացի փորագրությունից, փափուկ հախճապակին զարդարվել է նաև վերջնաբաղային շոգյուն նկարներով: Այս տեսակը գտնվել է դարձյալ երկու քաղաքներում ևս, ինչպես Անիում, այնպես էլ Դվինում: Սրանց օրնամենտիկան այնքան է մոտիկ նույն քաղաքներում գտնված միայն փորագիր և ծակոտկեն փափուկ հախճապակու զարդաձևերին, որ մենք այդ երկու տեսակը միեմույն արտադրություն պետք է վերադրենք, այսինքն՝ Դվինում և Անիում փորագիր հախճապակի թասեր շինող արհեստանոցներում պատրաստել են նաև վերջնաբաղային շոգյուն նկարներ ունեցող թասերը: Դվինում այդ կարգի առարկաներից գտնված են նաև մի շարք թասեր, որոնք կապույտ կամ երկնագույն ջնարակի վրա նկարազարդված են ֆանտաստիկ կենդանու՝ սֆինքսի և թևավոր առյուծի պատկերով, սակայն վերջիններս իրենց օրնամենտացիայի բնույթով, պատկանում են ավելի ուշ ժամանակի, 11-րդ դարին և որոշ դեպքերում նաև 12-րդի սկզբներին:

Իր տեխնիկական և զեղարվեստական հատկանիշներով ավելի նշանավոր է Դվինի կարծրախեցի սպիտակ հախճապակին, որ³ ծածկված է լինում մեծ մասամբ անգույն և երբեմն էլ գունավոր ջնարակով: Այս տեսակին են պատկանում Դվինի մեծ սկուտեղները, որոնք բուսական օրնամենտի մեջ ունեն ֆանտաստիկ զազանների և թռչունների պատկերներ և, ոչ այնքան մեծ, բայց խիստ նուրբ թասերը, որոնք ունեն միայն փորագիր զարդարանք: Ի միջի այլոց, իրենց ձևով վերջիններին շատ մոտիկ են փափուկ հախճապակուց շինած թասերը: Այդ առարկաների վրա երբեմն լինում են վարպետների նշաններ, իսկ երբեմն էլ, ինչպես սկուտեղերի, այնպես էլ թասերի վրա նույն նշաններն են հանդիպում: Այս հանգամանքը ցույց է տալիս, որ կարծրախեցի հախճապակու այդ երկու տեսակներն էլ միեմույն արհեստանոցում են արտադրվել: Սակայն, այդ հախճապակու արտադրություն վայրն ահանար է որոշել այնպիսի ճշտությամբ, ինչպես փափուկինը, որովհետև նրա արտադրական խոտանը գեղեցիկ

գտնված որևէ տեղում: Բայց փափուկ և կարծր խեցի ունեցող հախճապակու ձևերի և օրնամենտիկայի նույնությունը ապացույց է այն բանի, որ դրանք ևս հաշվական ծագում ունեն, բայց թեկերամիկական ռը կենտրոնումն են արտադրվել, Դվինում, Անիսում թե՛ Հայաստանի մի այլ քաղաքում, առայժմ չենք կարող որոշել: Անիում գտնված կիսաթափանցիկ հախճապակին գուրս է եկել Բագրատունյաց արքայական պալատների հոբերում, հետևապես նա պատկանելու է 10-րդ դարին, կամ 11-ի առաջին կեսին: Նույն ժամանակին պետք է վերագրենք նաև Դվինում գտնված նույնատիպ առարկաները, մանավանդ որ նրանց զարդանախշերի սճն էլ այդ ժամանակին չի հակասում, իսկ մեծ սկուտեղներն իրենց նկարներով և բուսական ոլորտներով տոնչվում են 9—10-րդ դարերին պատկանող արձանաթյա սկուտեղներին:

Բացի թափանցիկ ջնարակով պատած կերամիկայից, Դվինում գտնվել է նաև խուլ, սովորաբար սպիտակ, բայց երբեմն էլ երկնագույն ջնարակով պատած կերամիկա, որի հնագույն նմուշները պատկանում են 9-րդ դարին և հայտնաբերվել են Կաթսղիկե եկեղեցու և Կաթսղիկոսական պալատի շրջապատում: Սրանք մեծ մասամբ գունազարդված են կորալտով հում ջնարակի վրայից, բայց պատահում են նաև բազմերանգ և շոգյուն գունազարդություն ունեցող առարկաներ: Սրանց խեցին, ջնարակը, ձևը (փոված կողերով և ցածրադիր, բայց լայն ու տափակ օղակաձև նստուկով) և գունազարդությունը այնքան մոտ են նույն տիպին պատկանող Տիգրիս գետի վրայի Սամարայում (Միջագետք) գտնված առարկաներին, որ մենք ստիպված ենք նրանց երկուսին էլ վերագրել Միջագետքում գտնվող մի արտադրական կենտրոնի, բայց թե ռը քաղաքին, առայժմ չենք կարող որոշել:

Անդրկովկասում, բացի Դվինից, այդ առարկաները չեն գտնված որևէ այլ տեղում և այդ հասկանալի է, որովհետև Դվինն իրրե փոխարքայական կենտրոն ավելի սերտ կերպով էր կապված արարական խալիֆաթի մայրաքաղաք Սամարայի հետ, քան Անդրկովկասի մյուս քաղաքները:

10 և 11-րդ դարերին պատկանող խուլ ջնարակով հախճապակի Դվինում չի գտնված, իսկ 12-րդ դարի վերջին և 13-րդ դարի սկզբին պատկանող կերամիկայի մեջ դարձյալ հանդիպում են այդ տիպին պատկանող առարկաներ, որոնց մեջ կան այն-

պլիսի շողյուն առարկաներ, որոնք իրենց տեխնիկական և դեղարվեստական տվյալների համաձայն պատրաստված են Իրանում, մեծ մասամբ Ռեյ քաղաքում: Հետևապես, Դվինում գրեթե չկան ինչպես հնադույն, այնպես էլ ուշ ժամանակի խուլ ջնարակով պատած հախճապակին ներմուծված է օտար երկրներից:

Հայաստանում՝ խուլ ջնարակով պատած կերամիկա չի արտադրվել այն պատճառով, որ խուլ (անթափանց) ջնարակ գործածել են միայն այն երկրներում, որտեղ սպիտակ խեցի ունեցող հախճապակի չի եղել, և անթափանց ջնարակով քողարկել են խեցու գույնը, իսկ Հայաստանը, ինչպես տեսանք, ունեցել է սպիտակախեցի հախճապակու մի քանի տարբեր տեսակներ, ուստի և այսպես խուլ ջնարակի գործածություն կարիքը բոլորովին չի զգացվել:

Այստեղ հետաքրքիր է նաև մի այլ հանգամանք. այդ այն է, որ 9-րդ դարում, երբ Դվինը մեծ մասամբ գտնվում էր արաբ կառավարիչների ձեռքին, Միջագետքից ներմուծել են խուլ ջնարակ ունեցող բարձրորակ կերամիկական առարկաներ, իսկ 10 և 11-րդ դարերում, երբ Հայաստանն ուներ բարձրորակ հախճապակու իր սեփական արտադրությունը, մինչև իսկ ձենապակուց դժվար զանազանվող տեսակները, ներմուծումը դադարել է. Հետագայում, 12-րդ դարում և 13-րդ դարի սկզբին, Դվինի տեղական արտադրությունը թեև բարձր հատկանիշներ ուներ, բայց տեխնիկական տեսակետով կանգնած էր ավելի ցածր մակարդակի վրա, ուստի այդ ժամանակ դարձյալ պահանջ առաջացավ որոշ քաղաքականություն արտասահմանից թանկարժեք կերամիկա ներմուծելու:

Բացի Միջագետքից և Իրանից, Դվին են ներմուծել նաև չինական ձենապակի, սակայն շատ ավելի քիչ քանակությամբ քան Անի, որովհետև չինական առարկաների ներմուծումը ընդարձակ չափերով տեղի է ունեցել 13-րդ դարում, երբ Դվինն իրրե առևտրա-արդյունագործական կենտրոն գտնվում էր կատարելապես անկյալ վիճակում:

Դվինի պեղումները դեռևս շարունակվում են և մենք վրստահ ենք, որ այդ պեղումների նյութերը հետագայում ավելի կընդարձակեն մեր գիտելիքները ինչպես կերամիկայի տեղական արտադրության, այնպես էլ Միջնադարյան Հայաստանի, օտար երկրների հետ ունեցած առևտրական կապերի մասին:

